

18+

Любовь Сушко

ТЕНЬ ПРЕКРАСНОЙ ДАМЫ

Марина и Анна

Любовь Сушко
Тень Прекрасной Дамы.
Марина и Анна

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70306147
ISBN 9785006226456*

Аннотация

Марина и Анна – две путеводные звезды того удивительного времени, две вершины Парнаса, достающие до небес. Они такие разные и все же, они так похожи, и какие замечательные исторические фигуры.. А вокруг них ученые мужи от Пушкина и Блока до И. Бродского. Вторая часть «Шарма серебряного века», где у поэзии женское лицо. Некоторые тексты опубликованы в сборнике «Баллады, сказки, мифы»

Содержание

От автора	8
Анна Ахматова	10
Думали человек	12
Ее зовут Марина	14
Затишье перед Бурей 1913	16
Анна и художник	18
Разлука	20
Черная дама из зазеркалья	22
11 Августа ушел М. Волошин	24
Август тает	26
Перед отплытием	28
Памяти О. Мандельштама	30
«Две женщины метались в миг утрат...»	32
Тень Марины	34
Музыка царила в высоте	36
Пришла, сидит	38
Незнакомка и поэт	40
На рубеже времен	42
Отвергнутая	44
Художник и Муза	46
Звездная ночь	48
Я пришла к поэту	50
Тень Незнакомки	52

«И как такое допустить могла...»	54
Первая встреча	56
Ты только тень	58
26 августа	60
Нелюбимая	63
Пушкин и Марина	65
Тела и души	67
«Как тихо в городе осеннем...»	70
Монолог Анны	72
Поэт, художник и Анна	74
«Я устала в свой дом возвращаться тайком...»	76
Великолепный	78
«Цветаевская осень укуталась туманом...»	80
130 ление Марины Цветаевой	82
«Какой покой, какая тишина...»	85
«Пришла всех раньше и ушла поспешно...»	87
«Каждый – чья-нибудь утрата...»	89
«В Патетической сонате...»	90
«Туманные думы на стыке столетий...»	92
Марина в Праге	94
«Уходит Марина в ту полночь, в ненастье...»	96
Письма к Рильке	98
«Мы скованы пространством бытия...»	100
Поэзия прорвется	102
Вы так прекрасны	104
Треугольник иллюзий	107

Сага о Хароне	109
Лилит Адаму	112
Видение на озере	114
«Даже в твоей нелюбви роковой...»	116
Все ушли	118
На фоне Венеции	120
Опять о Бродском	122
«Я так была в тот вечер одинока...»	124
Маскарад призраков	126
Там Анна пела. Путь в вечности	129
И надо же было на свет появиться Гений	132
Прогулки по Венеции в дождь	134
И в мире Бродского осенняя прохлада	137
Прогулки с Бродским по иным мирам	140
Сага о вечном изгнаннике	142
Прогулки с Бродским под дождем 5 сентября	147
Поэт и Бродский	150
Кот и его поэт	152
В твоих объятьях	158
Мне снится Бродский	160
Монолог Бродского	162
Мне приснился скрипач	164
Под чарующей лаской твоей	166
Три ангела Памяти Олега Чертова	168
8 октября День рождения Марины Цветаевой	170
В Рождественской метели	173

Чарует словом	175
Мой Пушкин	177
Париж и я одна	179
Пушкин в течении времен	182
На свете счастья нет	185
«Могло ли быть иначе?..»	187
«И там, где все сегодня еле дышит...»	189
«Он уезжал, куда не ведал сам...»	191
23 июня	193
Конец ознакомительного фрагмента.	195

Тень Прекрасной Дамы Марина и Анна

Любовь Сушко

© Любовь Сушко, 2024

ISBN 978-5-0062-2645-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

После того, когда появилась книга «Шарм серебряного века», грянул юбилей Марины Ивановны Цветаевой, и взглянула на те времена под другим углом зрения.

Марина и Анна – две путеводные звезды того удивительного времени, две вершины Парнаса, достающие до небес.

Они такие разные и все же, они так похожи, и какие замечательные исторические фигуры.

А вокруг них ученые мужи от Пушкина и Блока до И. Бродского.

И когда все писалось, чувствовалось, что они живы, они рядом, они творят вместе с нами, но при этом они стали уже легендами и песнями и сказаниями, шагнувшими в неведомый для них 21 век

Эпиграфом к сборнику стало стихотворение, которое его и открывает здесь.

Как оно возникло, именно возникло, я вряд ли смогу вспомнить. Писалось на одном дыхании. И было ясно, что будет продолжение, целый цикл точно. Ведь когда-то в самом начале они обе явились к нам, говорили с нами со страниц дореволюционных сборников, вели вечный спор, когда мы постигали лирику серебряного века за студенческой партой, в аудитории.

Это была прекрасная пора, потому что в наш год литература эта была возвращена и впервые включена в программы лекций и семинаров. Тайное у нас на глазах стало явным. Они действительно к нам вернулись в те дни

Анна Ахматова

Ахматова Анна Андреевна...
Зачем повторяю я снова
Отчаянно, странно уверена,
Хватаясь за жест и за слово.

Пути мои все перепутаны,
Надежда до срока растаяла.
Каким-то последним салютом
Там вспыхнет Марина Цветаева

О да, маскарад продолжается,
Я знала, и в это я верила,
И в душах заблудших останется.
Та третья, темна, не уверена.

Испанской графиней в туманности
Печальной вдовою и девочкой
Откуда все дикие странности,
Куда это крылья вдруг денутся,

И правят душой суеверия,
И перья отбросив павлиновы,
В себя в этот вечер поверю я,
Забуду об Анне с Мариною.

Вот так и душа прорезается,
Судьба проступает незрячая,
И строчкой последней останется
В тумане Собака бродячая

В Бродячей собаке мы встретились,
Вы это, конечно, не вспомните,
Столкнулись, читали, отметились,
И где-то растаяли в полночи.

Отчаянно, странно уверена,
Хватаясь за жест и за слово.
Ахматова Анна Андреевна
Зачем повторяю я снова?

Думали человек

*Думали — человек, и умереть заставили.
М. Цветаева.*

Из брани избран, чтобы стать
избранником судьбы и рока.
И на челе его печать
отверженного и пророка.
Про рок устал он говорить,
да кто его теперь услышит?
И пусть во тьме свеча горит,
душа, дыша, взлетает выше
И падает, и грешный мир,
оставленный, о ней вздыхает,
Из брани голоден и сир,
пророк, как рок, один шагает.
От чаянья беды молчит,
отчаянье в себе подавит.
И снова с нами говорит,
пусть мир воинственный бездарен,
Но где-то у иной черты
и в полосе иного света
Над миром дивной красоты
он избран, чтобы быть поэтом.
И вдохновение ему

нисходит – боль и наказание,
И этот свет, и эту тьму
он видит в тишине, от брани
Ушел, но только краткий миг,
и вечность будет за плечами...

Какой-то призрачный старик
от чаянья души не чаает.

И с частью горести и лжи,
расстанется, чтоб счастье ведать,
Но как душа его дрожит
в преддверье смерти и победы...

И в вечных отсветах огня
он тень и свет иной эпохи.

И снова смотри на меня
про рок забыв, пророк высокий.

В тумане, в сумраке тревог,
один, забытый в поле воин,
И только век, и только бог
его внимания достоин...

Про рок устал он говорить,
да кто его теперь услышит?

И пусть во тьме свеча горит,
душа, дыша, взлетает выше.

Из брани избран, чтобы стать
избранником судьбы и рока.

И на челе его печать
отверженного и пророка.

Ее зовут Марина

И даже Блок в тумане не заметит,
Не разглядит у роковой черты,
Она зовет, но кто же ей ответит?
Лишь с бездной одиночества на ТЫ.
Молчала Анна в пелене рассвета,
Надвинулась безумная война.
Елабуга оставит без ответа
Тот скорбный миг, и навсегда одна
Там где-то у черты, стирая лица,
Как буквицы на призрачном песке.
Звезде осталось вспыхнуть и разбиться
О камни, и на этой высоте
В раю понять, что недостойна ада,
В аду о рае в тишине скулить.
– Ты будешь там... - Не надо, о, не надо
Среди поэтов жить и их любить
И ненавидеть, и сметая лица,
Являя снова миру миражи,
Она хотела в бездне воплотиться,
Чтобы лишиться в небесах души.
Она зовет, но кто же ей ответит?
Там с бездной одиночества на ТЫ.
И даже Блок в тумане не заметит,
Не разглядит у роковой черты.

Затишье перед Бурей 1913

Королева вернулась в ту позднюю осень,
Где ни бунта еще, не войны.

И Шопена ей ветер внезапно приносит,
И веселые песни и сны..

Там все живы, ни казней там нет, ни расплаты,
Маскарада веселая спесь,

И поэты, и музы несутся куда-то,
Презирая и ярость и лесть.

Что случится потом, это все расписали
Сценаристы, печальная ночь.

Это осень несется по судьбам устало,
Черной меткой ложится у ног

Лист засохший, не будет, и нет оправданья,
Только серая тьма и покой.

Королева спешит в пустоте на свиданье,
И Шопен тихо машет рукой...

Штраус в вальсе закружит, оставит внезапно,
И обрушит на мир тишину,

И с какою надеждой, мечтой и азартом
Мир опять погружался в войну.

И Шопена ей ветер внезапно приносит,
И веселые песни и сны..

Королева вернулась в ту позднюю осень,
Где ни бунта еще, не войны....

Анна и художник

И письма из далекого Парижа,
Какой -то даме, я ее не знаю.
Но снова берег Сены сонной вижу,
И слышу звуки вальса, вспоминаю

О том, что с нами не могло случиться
О том, что в тихом блеске пропадает.
И только Сена и чужие письма,
Мне о тебе опять напоминают.

Она давно мертва, но я не верю.
Что тот костер страстей угаснет скоро,
И только Сены обреченный берег
Все Анну ждет с надеждой и укором.

Ей выпала судьба совсем иная,
Но ждет ее в тумане Модильяни,
И никогда художник не узнает,
Что было в этом жутком мире с нами.

Но там другая Анна, королева
Французов будоражит не напрасно,
И нет в стране отчаянной предела,
И Генрих мертв – все зыбко и опасно.

Но не сломить им дочки Ярослава,
И над столицей наступает утро,
Читаю письма, дивная забава.
Ее назвали Дерзкой или Мудрой.

И снова пишет Анну Амадео,
И Люксембургский сад дышал прохладой
И страсти нет границы и предела,
И мы в плену и в чарах этих сада.

Разлука

Она сказала, что устала ждать.
Он только усмехнулся и растаял,
Но сколько можно пьесу исполнять,
Где все не то, не так и против правил

И в полночи метался снегопад.
И пес соседский выл в порывах ветра,
Он не вернется в этот мир назад,
И им обоим так удобно это.

Когда мужчина зол и одинок,
Кому он нужен, и куда стремится,
И капитан команду всю обрек
Скитаться вечно, берег только снится.

Мне нынче снова снился Гумилев,
Он убежал от женщины любимый,
И слышал только страшной бури рев,
Когда прослыл навек непобедимым.

А Анна в тишине его ждала,
На снегопад смотрела из окошка,
И словно бы раздавленной была,
И грустной, и растерянной немножко.

Но появлялись лучшие стихи,
И корабли растаяли в тумане,
Она прощала все его грехи,
А он ее опять в пучину манит,

Вот так и жили, бунт легко пройдя,
На берег не сошел он в час заката,
И в шорохе забытого дождя
Была надежда и была расплата.

Черная дама из зазеркалья

Явилась в черном в зеркале старинном,
Осталась где-то за чертой внезапно,
И я опять звала ее Мариной,
Стихи читала яростно с азартом,
Свои или чужие – не понятно,
Но в них была отчаянно – печальна.
Она ушла в тот мир, в тот свет обратно,
А нам осталась в том смятенье тайна.

Приблизиться смогли мы к ней едва ли,
Скорее отделились в час рассвета,
И больше нет тревоги и печали,
Есть только тень та черная, приметы
И голоса забудем мы едва ли,
И ветерок влетел и закружился,
И фрейлины устало танцевали.
И император грозный появился.

И никакая сила не смогла бы
Нас разлучить в тот темный миг, я знаю,
Душа несется к раю по ухабам,
Не понимая, что достигнуть рая
Ей не дано, печали и сомненья
Живут в душе у этой черной дамы,

И лишь когда приходит вдохновенье,
Она как прежде пишет мир упрямо.

Приходит, в зеркалах не отражаясь,
И остается тенью безответной,
И вроде бы живет лишь обнажаясь,
И душу отдает спокойно ветру.
Растворена в порывистой стихии,
Что с нею, кто в душе ее усталой,
Веселый бог и призрачный мессия,
Пред этой черной девой трепетали.

Она ушла в туманы и обманы,
Она следов, я знаю, не оставит.
И дурно пахнут все ее романы,
И только страсть судьбиной этой правит.
И все-таки над высотой иллюзий,
Она встает, всегда непостижима,
И отступили в суматохе люди,
И ждем ее, пока еще мы живы

11 Августа ушел М. Волошин

В этот день звезда сгорела
И упала в пропасть бед.
И высокий, яркий, смелый
Вышел он на белый свет.
Было тихо и пустынно
В мире, где гремит гроза,
И отчаянно-картинно
Посмотрел поэт в глаза.

И растаяли чертоги,
В небеса вела стезя,
И отчаянный, и строгий
Понял он, что так нельзя
Больше жить в тиши у моря,
Слышать чаек ропот рядом.
И с Мариной снова споря,
Говорил он ей – Не надо.

Но о чем? Какое дело
Нам до их бесед у моря,
И душа в туман летела
С чайкой, с ветром, с Музой споря,
Боль забытого романа.
Призраки бывшего счастья,

Не укрыться от обмана.
Шторм над миром, и в ненастье

Он уходит, не прощаясь,
В мир валькирий и сказаний.
И встречаются в мире таинств
Чайки с женскими глазами.
И преследуют поэты,
Чьи-то сны, стихи и дали,
И проснувшись до рассвета,
Пребывает мир в печали

Пребывает мир в волненье,
Вдруг они опять вернуться,
Каждый и поэт и гений,
Море там. у ног волнуется
И забыв свои чертоги,
И в его стихи врываясь,
Все здесь гении и боги.
Боги верно возвращались..

Коктебель в тумане тает,
Как одна сплошная рана,
Он опять гостей встречает,
Помня дик Максимилиана

Август тает

Август тает, и осень уже на пороге,
И немного смущает течение дней.
Нет, не лето, а жизнь беспощадно уходит,
Заблудилась душа среди грез и теней.

Это остров надежды нас манит, я знаю.
Это вера еще не растаяла, но,
Танго вновь исполняет там осень шальная,
Не сластит, а горчит дорогое вино.

И мужчина, как призрак забытой стихии,
Мой портрет он напрасно пытался писать,
И на лунной дорожке застынет Мессия,
А Пилат затерялся в тумане опять.

Нам бы тоже беседу продолжить, слепая
И печальная осень пришла на порог,
Это август в тумане рассеянном тает
И уходит, нет, он задержаться не смог.

Две двадцатки нам новые шлют испытанья,
И печаль запивает мой призрак вином,
Ничего не останется, только свиданье
Там с Пегасом, летящим в туман за окном.

И о чем-то твердит, улыбаясь, Марина,
И смеется во мраке ученый мой кот.
Жизнь порою жестока, а память невинна,
Этот августа с усмешкой невинной пройдет.

И оставит на белом листе он посланье,
Мне его прочитать не дано до поры,
И останутся бури осенние с нами,
Но не знаем мы правил жестокой игры.

А она улыбается и исчезает,
Ей давно все равно, непонятно, смешно,
Только где-то за окнами сонными тает,
Синий плащ и распахнуто в пропасть окно

Эта женщина, не человек, а стихий,
Растворится и рукопись снова сожжет,
За спиною ее полыхает Россия,
Только что ей теперь до трудов и забот.

Перед отплытием

Перед отплытием в городе страстей
Возникла Анна и исчезла снова.
И затерявшись там, среди гостей,
Она опять искала Гумилева.
Но не было нигде его, в плену
У той любви, она не отпускала,
Корабль призрак в снах ее тонул,
И приходилось все начать сначала.

И никого на призрачном пути,
Матросы растворяются в тумане,
А он не знает, как ему пройти
По суше, чтобы возвратиться к Анне.
Разлито масло и убит другой,
Но он не мог погибнуть в этой схватке,
Его вела бессмертная любовь,
И верила, что будет все в порядке.

Когда ворвался пьяный комиссар,
Мычал и тьякал черный пес в тумане,
И видела она, как он устал,
Но он вернется в эту полночь к Анне.
– Да ты пришел за ним, – она твердит, —
Остановись, не любит он поэтов,

И комиссар под окнами убит,
И скоро призовут ее к ответу,

Но алиби у Анны знает бог,
Хотя они его там распинают,
Перед отплытием в городе тревог.
На Невском снова призрак возникает
Кого-то мертвым в этот час нашли,
Очки снимал устало А.,
И таяли, и таяли вдали,
И уходили от любви и дома...

И всадники летят в иную даль.
Все тяжелее Анне оставаться,
И повторять, что ей безумно жаль,
Жалеть себя и с ними распрощаться.
Стареть одной, венки плести для них,
Среди бандитов пьяных растворяться.
И Фауста с поэтом в снах своих
Опять встречать и тихо улыбаться.

И «Реквием» устало повторять,
Ведь записать его она не может,
И ждать рассвета, избавленья ждать,
И горечи отчаянные множить,

Памяти О. Мандельштама

И тот, кто о тиране говорит
С таким призреньем и такой тоской,
На севере далеком растворится,

И уведет в мороз тот за собой.
Жена и Анна в городе пустом
О нем молили Демона напрасно,
И ветер пел, и где-то за столом
Пил Пастернак и было все неясно.

Мир пошатнулся, век сошел с ума,
Он зверем навалился, снова душит.
И это Муза дивная сама
Терзает тело и терзает душу.

Век серебром отлитый на висках
Не даст ему теперь расправить плечи,
И стонет Анна, и плывут века,
Незримая рука погасит свечи.

А он перечисляет корабли.
Тугие паруса и вольный ветер
Везут Ахилла, тает он вдали,
И нет покоя, счастья нет на свете.

Оставлен дом, и дым его во сне,
Как знак дурной, устало сердце биться.
Наверно, точно истина в вине,
О, если бы виною откупиться.

Но все уйдет, останется мираж
Тех дум и грез, и новый год встречая
Холодный миг и мир жестокий наш
Своих поэтов просто убивает.

«Две женщины метались в миг утрат...»

Две женщины метались в миг утрат,
И в час сомнений хочется прорваться
В тот странный мир, где много лет назад
Они царили, чтобы не сдаваться.

И вот теперь, когда тиран молчит,
И каждый доносить готов, на свете
Так мало света, и так тяжело жить.
И в дом опять ворвется стон и ветер.

Пришли за ним и снова уведут,
Туда, в просторы ада, вспоминая,
Что слово убивает, не спасут
Жена и Анна, устали не зная.

Все дальше он, все ближе облака,
Душа парит, а тело каменеет,
Перо не держит слабая рука.
Он даже оглянуться не посмеет.

За что ему такое, мир так пуст,
Ни снов, ни грез, давно согнулись плечи,
Тиран его казнит, и душит грусть.

Но царь Микен придет к нему под вечер,

О чем-то будет долго говорить.

И позовет туда, в иные дали,

Там снова Троя бедная горит,

Рыдает Анна и жена в печали.

Приам своих теряет сыновей,

И Одиссей отчаянно резвится,

В тумане снов и пропасти тех дней,

И с ним сегодня это повторится.

Тень Марины

Очнувшись от спячки,
костёр разведя на снегу,
Я с посохом зрячим
по миру иллюзий бреду.
Бреду и не знаю,
кто встретится мне на пути,
И всем я чужая,
и трудно до вас мне дойти.
Зовите Марина,
милее и ближе она,
И страсти лавина
мне так же нужна и важна,
А кто я в той жизни,
давно и самой не понять.
Очнувшись от спячки,
я что-то хочу написать.
А что, мне не ясно,
такая случилась беда,
Ждала я напрасно,
что снова вернется сюда
Тот мальчик красивый
он был то ли муж, то ли сын,
Стихов переливы
владели душою, и с ним

Мы молча расстались,
у Музы я в вечном плену,
Средь звезд и красавиц
беспомощно снова тону.
И злая русалка
мою предсказала судьбу,
Мне больно, мне жарко,
и я до тебя не дойду.
Туманом покрыто
то мутное бремя болот,
И сердце разбито,
и где-то там Леший живет,
И вечная спячка
наверное, проще и вот,
Вернулась гордячка
куда-то в 17 год.
Никто там не встретил,
они по мирам разбрелись,
И призрачный ветер
и ритма так пагубна высь.
Сережа, Сережа,
куда нас судьба заведет?
Иду осторожно
в тот самый семнадцатый год.

Музыка царила в высоте

И касались клавиш пальцы,
И взлетали в миг единый
Бабочки, сюжеты, паника,
Ты назвал меня Мариной
Оговорка, боль, утрата,
Никого из тех, кто с нами,
И летит душа куда-то
Над полями, над морями.

Хочется от грез укрыться,
И побыть немного с вами,
Время – яростный убийца,
За лесами, за морями,
Ждут меня иные дали,
И совсем другие люди.
И в пылу моей печали
Музыка звучала, лютня.

Кто-то вышел к свету снова,
И позвал меня обратно,
И взлетело к небу слово,
Как легка я вероятно.
В голосе страстей забытых
Памятных стихов лавина,

В пелене иных событий,
Появляется Марина.

И идет она устало
Вслед за музыкой и словом,
И симфония звучала,
Как весенний мир взволнован,
Он живет в своей стихии,
В неразгаданной вселенной,
И усталая Марина
Исчезает постепенно.

Место пусто не бывает,
Но она придет неожиданно
Из тумана возникает,
И в тумане тает Анна.
Клавиши скользят по пальцам,
Музыку нам боги дарят.
И прошу ее: -Останься.
Улыбаясь, исчезает

Пришла, сидит

Пришла, сидит, напрасно ждет поэта,
Его актрисы в маскарад бросают,
Она напишет в забытьи про это,
Как короля там страсти убивают.

А может быть он хочет быть убитым
И о спасенье больше не мечтает,
И только изнывает Маргарита,
И Анна снова масло проливает.

Ничто не растопило этой боли.
И счастья не прибавило упорство,
Но только свято верим мы с тобою
В свое земное горькое притворство.

Да я люблю, я это точно знаю.
Но где-то там, в пыли иного мира,
Напрасно он о призраке вздыхает,
Прекрасной даме пишет злой и сирый,

А рядом улыбается актриса,
И он готов в метели раствориться,
Пришла и ждет чужого бенефиса.
– Ступай домой, свиданья не случится.

Но не уходит, и его дождется,
Чтоб получить невнятное, чужое,
Так Муза над соперницей смеется,
Не приближайся, милая, не стоит.

И все-таки она потом напишет
О том, что с ними больше не случится.
Молчит и обреченно как-то дышит,
Идет в метель, он долго будет сниться.

Незнакомка и поэт

В плену у Незнакомки он сияет
От счастья и предчувствия любви,
Она не видит и она не знает,
Как он влачит вдали пустые дни.

Нет никого, печали запивая
Вином коллекционным он молчит,
И только где-то волки завывают.
И забывает боль своих обид.

Но вот теперь, когда она мелькнула
И снова появилась у окна,
Как будто жизнь восторгами дохнула,
И странно обнимает тишина.

Нет Музы, и Пегас несется мимо,
Но в музыке отчаянных страстей,
Он хочет, знаю, снова быть любимым
Неуловимой Девою своей.

Тьма не проходит, в мире мало света,
Печаль растает, как к утру свеча.
И женщина, как легкая комета,
Его выходит в тот туман встречать.

Она живет, она парит над миром.
Она одна ему поможет быть
Прекрасным и отчаянным кумиром,
И головы девиц чужих кружить.

И сладкий плен его не отпускает,
И плачет Анна в тишине одна,
Она все видит, слышит, чует, знает,
Но Незнакомка вовсе не она.

И потому на Невском обреченно
Она стоит в сиянии зари.
И лишь березке, снегом занесенной,
Подарит откровения свои.

На рубеже времен

На рубеже времен, на сломе наших судеб
Какой-то детский сон, мой взрослый пыл остудит.
И буду я стоять совсем как там в начале,
Все впереди опять и радость и печали.

– Очнись, – мне говорит Старик из зазеркалья,
На рубеже времен мы много потеряли.
И мало обрели, я это тоже знаю.
Но птицы там, вдали куда-то улетают,

И души в тишине заброшенного сада
Уносятся в ту даль, и нам за ними надо.
Но столько важных дел, и столько снов и судеб
Тянутся в тот предал за нами снова будут.

Как грустно уходить и тяжело остаться,
И поздно нам скулить, а маятник качаться
Не перестанет там, в тиши за той чертою,
Какой-то шум и гам, опомнись, что с тобою.

Там берег моря вновь- он переходит в небо,
И первая любовь льнет к той последней немо,
И первая печаль теперь неодолима.
И грусти той печать не даст мне быть любимой.

И ладно, ну и пусть, давно все отболело,
И только неба грусть и море без предела.
Останется на миг и навсегда растает
Средь грез, забытых книг и облачных красавиц

Стою совсем одна, и сон во сне тревожит,
И пенная волна мою ласкает кожу.
Поэт из тех времен серебряных вернется,
Обнимает музу он и тихо улыбнется,

И подаривший рай, он ад мне обещает,
Как будто встрече рад, и снова все прощает.
Какой-то детский сон, мой взрослый пыл остудит.
На рубеже времен, на сломе наших судеб.

Роман не дописать и не издать, я знаю.
Останется тетрадь и там от ада к раю.
Ведет мой лабиринт, лежит моя дорога,
И я среди чужих всеильна и убога.

Отвергнутая

Она напрасно стремилась к Анне,
Она хотела побыть в плену,
Но тем и тягостей и желанней
В свидании этом ей утонуть.
Та оставалась в плену иллюзий,
Ей все служили, и странный сон,
Где все смешалось, события, люди,
Он не забудется, только звон,
И только в небе алели знаки,
И девы были порой милы,
И люди в городе этом знали,
Как нас пугает мираж игры.
Она напрасно стремилась к бездне,
Но задержалась там, на краю.
И в небе этом ночном и звездном,
Хотелось крикнуть как я люблю.
Но только в хрипе и волчьем вое
Была томительна эта боль.
Душа рвалась из башни на волю.
Хотелось знать, кто придет с тобой.
Пришли чужие, не стало силы,
А масло Аннушка пролила,
И королева во тьме бессильно
Над той над пропастью гордо шла.

Художник и Муза

В мороке земных страстей,
Грациозна и желанна,
Ждет она своих гостей.

Он рисунки разбирая,
Видит в сумраке тот свет,
Где она, почти нагая,
Там и расстоянья нет.

Ночь была такой угрюмой,
Но для страсти не помеха,
Больше ни о чем не думал,
Ждал награды и успеха.

И хождение по мукам
Было тягостно и странно,
В миг забвенья и разлуки
Амадео снится Анна.

В это благородной даме
Он узнал ее едва ли,
Но давно и долго ждали
Все потери и печали,

Он и сам в пыли забвенья,
На краю земли и неба
Ждал напрасно Вдохновенья,
Как воды он ждал и хлеба.

И никто не станет боле
Звать и ждать его напрасно.
Эта сила, эта воля
Этот взгляд чужой и ясный.

Все случилось там когда-то,
Словно и не с ними было,
Все победы и утраты
Навсегда она забыла...

Но по-прежнему желанна,
И по-прежнему печальна,
Амадео снится Анна
И хранит былые тайны

Звездная ночь

Ночь разбилась на сотни осколков,
И в мерцанье мистических звезд,
Все события и призраки скомкав,
Ветер душу в ту пропасть унес.
Я напрасно искала защиты,
Долго пряталась, чуда ждала,
Показалось, что были разбиты,
Все старинные те зеркала.
Никого, ничего не осталось
И не склеить разбившихся грез,
Только тень над пустыней металась —
И Марина мелькала среди рос
Или роз в том саду небывалом,
Где ей быть королевой теперь.
И она, не поверив сначала,
Распахнула в грядущее дверь.
Королева в сиянии лета,
Пела Анна, срывая цветы,
Ночь не вечна, но знали ль про это
Две красавицы, вздрогнула ты,
И растаяла в светлой безбрежности,
И осталась в сиянии дня,
Сколько веры, покоя и нежности
В строчках тех, покоривших меня.

Я пришла к поэту

Дождливым вечером явилась без звонка,
Стоит промокшая, молчит, не шелохнется,
С тетрадкой той потертою в руках.
Она к моей реальности вернется.

Из тех печалей и страданий тех,
Где никого для Анны не осталось,
И не полетов больше не утех,
И черной птицы тень вдали металась.

– Здесь все так страшно. Но о чем она,
Да молний блеск и гром, но не об этом,
И как ладья, скользила по волнам,
Ее душа в предчувствии рассвета.

Мерещился мне год тридцать седьмой,
И будущее в прошлом проступало.
И голос был: – Поговори со мной,
Но что сказать ей, я тогда не знала.

И кофе убежал, и чай остыл.
А дождь шумел, никак не унимался,
– Но отчего же так спокойна ты?
И кот шипел, как призрак растворялся.

Она тогда оставила тетрадь.
Я долго прикоснуться к ней боялась.
А вдруг все повторится тут опять?
Дождь перестал, осталась боль и жалость.

Остался сон, его мне не забыть,
И в памяти стереть теперь едва ли,
Век двадцать первый, как —то надо жить.
И голос из тумана: «Чтобы знали».

Тень Незнакомки

И то, что было шуткой и игрой
Трагедией могло бы обернуться.
Дуэлью, этой пулей роковой,
Когда поэт ушел, не оглянулся.
Она осталась терпеливо ждать
Того, кто не погибнет на дуэли,
Хотя герою вряд ли благо дать
Могла графиня, что ж вы ошалели.

Зачем вам эта спесь и суета,
Конечно, праздность и безумство рядом.
И ангелов смолкают голоса,
И демоны все ждут свою награду.
А это просто женщина чудит,
Жестокости границ при том не зная,
Ее душа горбатая болит,
Ей скучно жить, и потому играет.

Поддерживая странную игру,
И вспоминая прошлые дуэли,
Поэты остаются на пиру
Иллюзий страсти, этого хотели.
Их так запомнят, боже упаси,
Останови их, и молчит устало,

Идалии звезда, и ей светить
Еще могла бы, лодка у причала,

И голос Музы в рокоте воды
Стихает, растворяется до срока,
И старый парк, и прошлого следы
Пытается вернуть твоя эпоха.
Шут короля играет в этот час,
В нем гордость, горесть, униженья снова,
И роли роковой печальный глас.
И оборвется жизнь, эпоха, Слово.

Но будут девы до конца чудить.
Не понимая, как все это страшно,
Поэт поэта мог тогда убить,
И вся иллюзия, и все напрасно.
И хорошо, что осень так щедра,
И год девятый не явил трагедий,
Закончилась нелепая игра.
Исчезла Черубина в час возмездья.

«И как такое допустить могла...»

И как такое допустить могла
Капризная и гордая Марина,
Когда на город опустилась мгла,
И там царила только Черубина.
Девятый год, и осени экстаз,
Стреляются из-за нее мужчины.
Холодный ветер тайну вам припас,
И кто она Геката-Черубина.
Испании дыхание, шум дождя,
Стихов таких таинственных лавина,
И разгадать ту тайну вам нельзя,
А миром этим правит не Марина.
Как допустить такое, боже мой,
Куда весь мир катился ту годину,
И акмеизм уносит за собой,
И что творит в тумане Черубина.
А это просто страх и страсть унять
Не может неприметная и злая,
Лишенная и воли, и огня,
Она сама то бредит, то страдает.
И маскарад, ему тут каждый рад,
О как она жестока и невинна
Забудь игру, вернись к себе, назад
Как призрак исчезает Черубина

Первая встреча

Та девочка с печальными глазами,
Почти богиня в облаке страстей.
Она еще не ведает о драме,
Она еще не знает тех вестей,

И все страшнее в мире, все печальней
И строчки обрываются и сны,
Но август со своей жарой и тайной
Пройти и пережить мы все должны.

Да, за спиной останется пустыня,
И воины отважные падут,
Седьмое, двадцать первое отныне,
Ее привычный до Крестов маршрут.

Ни маскарад, реальность все страшнее,
Чем этот сон в растаявшей вдали,
А тени все бредут в туман за нею.
И говорят о смерти и любви.

Как жить и как писать, в какие дали
Ее ведет отчаянье и боль.
И Муза, умножая все печали,
Разучивает мученицы роль.

Вернется Гамлет, снова Мышеловки
Расставлены до точки роковой,
И как-то одиноко и неловко
Быть женщиною в схватке мировой.

И пусть Святой Георгий стонет тихо,
И всем кресты достанутся мужьям,
А ей лишь слышать вой и стоны Лиха,
О доля незавидная ея.

А август умножает все страданья,
И все потери множит до поры,
Останется прощенье и прощанье,
И жуткий трепет яростной игры.

И ей писать поэму без героя,
И выжить, все труднее и страшней.
Склонился перед ней Святой Георгий,
И растворился средь иных теней

Ты только тень

– Ты только тень поэта, – он сказал,
Она же усмехнулась виновато,
Упал на камни острые бокал,
И мысли унеслись ее куда-то.
Она готова музой быть в тот миг,
Легко убив в душе своей поэта.
И словно нерадивый ученик,
Молчала в этот вечер до рассвета.
Но можно ль запретить себе писать,
Ведь это как дышать, она-то знала,
Предательски строка звучит опять,
Начало там, в преддверии финала.
Исполнить обещанья не смогла,
И большего от жизни той хотела,
Нет тьмы без света, расступилась мгла.
Когда она отчаянно запела.
Он рассердился и ушел в тот сад,
Где ждали музы дивного поэта.
Она-то знала, что писать – дышать
Рифмуется в венке ее сонетов.
Он знать о том и слышать не желал,
И не читал стихов ее лавину,
Все потому что женщиной была,
И не могла соперничать с мужчиной.

26 августа

Две Анны замерли в печали,
Когда в том наслоенье дней
Лишь тени странные мелькали
У ложа женщины твоей.
Ты жил иль не жил непонятно,
Похоже все идет к концу.
И Африки немые пятна,
И даже рифмы не спасут.

Там брань и пьянь, и пистолеты,
И выясняют что-то вновь,
А офицеры и поэты
Здесь коротают эту ночь.
Все тает и опять взлетает,
С какой-то птицей неземной,
И жизнь куда-то улетает,
И комиссар забыл покой.

И только Анна – сон неожиданный,
И оправданье странных дней,
Она легка, она желанна,
Ты снова думаешь о ней.
Потом Набокову приснится
Расстрел, овраг, глухая ночь.

Войны кровавые страницы,
И птица улетает прочь.

Мы были ли, мы снова будем,
И шарм растаявшей строки,
Летящей в полночь ту и бурю
Расстреливают большевики.
Поэты больше неуместны,
Им стихоплеты всех милей,
И оборвется где-то песня,
И вот там тень среди теней.

И львы с грифонами в тумане
Пытаются его спасти,
И только Анне, только Анне
Все ведомы его пути.
Одна, любимая навеки,
В тумане тает в этот час,
Рассвет, но свет в тот миг померкнет,
Хотя еще сердца стучат.

Сердца стучат, и строки льются,
И тени сходятся устало,
И где-то жены остаются,
И рукопись его листают.
Смертельно ранен, боже правый,
Мы проклинаям палачей,
А он спокойно и устало
Стремиться к женщине своей

Нелюбимая

Как тяжело дышать и жить стихами,
И понимая истинную суть
Того, что там напишется и канет
Как в лето в Лету, ты не забудь
То настроенье, тот настрой единый,
Ту высоту полета над Москвой,
Когда они вдруг назовут Мариной,
Ты перестанешь быть самой собой.

От той стихии горестной отбиться
И отделиться, иль в не в этом суть,
Собраний сочинений тех страницы,
Воспоминаний плен навек забудь,
И все, что там останется живое
Иль мертвое, связав навек с тобой,
Они страницу новую откроют,
Иной полет, совсем другую боль.

Не отрекайся, это все пустое,
Иная высота, иная суть,
Шагнув как в лето, в Лету за собою,
Других не увлекай, про все забудь.
Твоя любовь и призрачная сила,
Тебе помогут вряд ли в этот час,

Когда комета мимо проносилась,
Задев хвостом неосторожных нас.

А там луна беспечная томилась,
На этот мир взирая свысока,
И в озере небрежно отразилась,
И так была прекрасна и легка.
Ей оставаться, свет ваш отражая,
Пройти весь путь, не дрогнув до конца,
И снова эта осень золотая,
Она не отвернет от бед лица.

Но той, кого назвали вы Марина,
Не суждено остаться солнцем с ней,
Летит комета, словно бед лавина,
В провал и суматоху грез и дней.
Она сгорит в пространстве том небесном,
Она оставит только яркий след.
И растворится в тишине пред бездной,
Таков удел безжалостный комет

Пушкин и Марина

А вы всего лишь Пушкин, мой герой,
Да, да, всего лишь Пушкин, как забавно,
Шлейф платья, как кометы хвост со мной,
И я к вам обращаюсь так исправно.
А вы всего лишь сон моей мечты,
Такой красивый и такой ужасный,
И где-то там к обрыву с высоты,
Спустилась, и ждала его напрасно.

Он был далек, как темная гроза,
И так жесток, со мною и со всеми,
Когда же я пришла к нему назад,
То понимала, что не властно время,
Оно уходит как всегда в песок,
И никогда назад не возвратится,
Меня вы отвергали, но за что,
К чему вся эта страсть, чужие лица,

Лилит вас не устроила, мой друг,
А Евой мне не быть, я понимаю.
Когда перо не выпало из рук,
Когда душа восстала, я страдаю.
И я иду по углям той строки,
Которая в тумане догорела,

Я вас ждала, изволили прийти,
Но поздно все как будто отболело.

И остается только суета,
А как зовут меня? Зовут Мариной,
Минор и власть забытого холоста,
Пусть отразят меня наполовину,
Ликует мир, он вами полон вновь,
И Солнце заслонило все, мой гений,
Но вы отвергли страсть, мечту, любовь.
И вы остались там с чужими, с теми.

Не ревность, нет, к кому мне ревновать,
А жалость остается и люрует,
Да ладно, я устала горевать,
Пойду писать поэму ту, другую.
Шлейф платья, как кометы хвост со мной,
И я к вам обращаюсь так исправно,
А вы всего лишь Пушкин, мой герой,
Да, да, всего лишь Пушкин, как забавно.

Тела и души

*«В мире ограниченное количество душ
и неограниченное количество тел» – Марина
Цветаева.*

Как много тел, как мало душ,
Все это только шутка Бога,
И Демон, поседев от дум,
На Ангела взирает строго.
– А как мы будем их делить.
На всех не хватает, точно знаю.
Кому-то о душе забыть
Придется, я так понимаю.
– Дадим одним красу навек,
Пусть мир подлунный покоряют,
Другим талант, и слезы, смех
Они талантом вызывают.
А третьим души, чтоб добро
В том мире вечно оставалось.
И Демон, так взиравший зло,
Там помолчал, подумал малость
И согласился: – Видит Бог,
Едва ли сможем мы иначе,
Одним досталась свет и боль,
Другим талант, да и удача,

А третьим только красота,
Но без таланта и без духа,
Ее манила высота,
И оставалась там разруха.
А те, кто мог любить и петь.
Все время оставались рядом,
За красотой гонялась смерть,
Она была ей как награда,
Но ей бессмертие даря,
Поют великие поэты,
Душа дана им всем не зря,
Пусть будет красота воспета...
И Демон, поседев от дум,
На Ангела взирает строго.
Как много тел, как мало душ,
Все это только шутка Бога

2.

В толпе людей пытаюсь отыскать,
Метались мы, как призрачные стрелы.,
И Демон попадался нам опять,
И ускользал бесшумно ангел белый.
И маски вместо лиц и там и тут,
Иных живыми назовешь едва ли,
Но все забыли и куда бегут?
Обычный день, но как на карнавале,

И в спеси перекроенных девиц

Цена на лбу написана, и ясно,
Что среди этих туловищ и лиц
Людей с тобой искали мы напрасно.
Но там, на лавке в парке старичок
Такой печальный и такой забавный
Спросил: – Вы не умаялись еще?
Не выбились из сил, ну вот и славно.

Он Книгу Судеб, как всегда листал,
И шуткам так по-детски улыбался.
– Простите, я от жизни так отстал,
И даже как-то вроде растерялся.
Но душ все меньше, вот и нет людей,
Зато какие чудные вампиры.
И мы метались в шуме площадей,
И слышали там плач последней лиры

«Как тихо в городе осеннем...»

Как тихо в городе осеннем,
И флейта смолкла вдалеке,
Художник кисть макнул в сомненья,
Исчезла Анна на холсте,
И сон, и стон ее все тише,
Она не отразится вновь.
Но саксофон я вдруг услышу
И эту страсть, и эту ночь
Никто не вычеркнет, по кругу
Летят русалки в пропасть грез,
То с горечью, а то с испугом
Слова поэмы ветер нес
Туда к обрыву, память внемлет
Тому, что было или будет,
Когда тепло оставит землю,
Когда метелица разбудит
Все, что заснуло в эту осень,
И не хотело просыпаться,
А ангел свитки вдаль уносит,
И ждет событий и сенсаций.
Они стоят в плену разлуки,
В преддверье холода земного,
И тянут трепетные руки,
Туда в метель ночную снова.

Монолог Анны

Поцелуй меня в том месте,
Где жираф без нас тоскует,
Как я долго собиралась
В эти дивные края,
Там на озере далеком,
Пусть душа моя ликует,
Ты один был там когда-то,
Но теперь с тобою я.

Чад – он стал для нас стихией,
Домом местом заповедным,
Островком моей надежды,
И печалью вековой,
Не хочу с тобой встречаться,
Я в разрушенной России.
Где расстрелян был когда-то,
Да и я полуживой

Столько лет душа стремилась
Снова в Африку вернуться,
Не страшнее комиссаров
Эти тигры, эти львы.
Удивлен бы и растерян,
Как могла я измениться,

Но спешила я к жирафу
В вальсе призрачной листвы,

Поцелуй меня в том месте,
Где еще остались сказки,
А не тягостные были,
Так пугают и гнетут,
Нет, не в Африке далекой,
Нам в России жить опасней,
Я -то знаю, что не звери,
А что люди нас убьют

Поэт, художник и Анна

Ты пишешь мне из дальних стран и весей,
И кажется, что стал тут ярче свет.
– Вы мне нужны, лишь вы одна на свете.
И грустно так – вас рядом больше нет.
Закат так ал, и львы в тумане бродят,
Я вспоминаю, сколько дивных лет
Я ждал той встречи, все случилось вроде,
Но гас костер, вас снова рядом нет.
О, Анна-Анна – это даже странно,
Смотреть мне на закат и на рассвет,
Писать и думать нынче неустанно,
Туда в туман, не получив ответ.
И будет ли свидание на Невском
И на Фонтанке среди грез и бед,
Или остаться вечно неизменным,
И убедиться, что вас рядом нет.
Корабль причалит к берегу однажды.
И от восторга вдруг померкнет свет,
Тот мутный свет в домах многоэтажных,
И здесь, мой ангел, вас сегодня нет...
Да, Люксенбургский сад уводит в бездну,
Художник так печален и красив,
Искать и звать вас, знаю, бесполезно
Но жду и ничего я не забыл

«Я устала в свой дом возвращаться тайком...»

Я устала в свой дом возвращаться тайком,
Сочинять снова письма тебе и смеяться,
Никаких приключений, не думай о том,
Что должны в Куршавель мы с утра отправляться.
Нам скорее грозит и сума, и тюрьма,
Докатались по миру, бывает такое,
Никаких приключений, я знаю сама.
Модильяни закончит портрет беспокойно.
И за что -то меня упрекает поэт,
А Булгаков стихи мои вновь не читает,
Что за знаки в дыму дорогих сигарет,
И о чем там Марина натужно страдает.
Мне понять ли их всех и принять ли потом,
Где-то Гитлер шагает по мертвой Европе,
А меня обнимает холодный мой дом,
Разгадать эти знаки, мой Мессинг, .попробуй.
Неужели никто не вернется назад?
Корабли у причала напрасно встречаю,
И в Ташкенте мне снится родной Ленинград,
И скитальцев в бескрайность морей отправляю.
Это было не с нами, серебряный век
Все отмерил нам полную мерой когда-то.
Никаких приключений, пустынный тот брег,

Только снится, он счастье мое и расплата.

Великолепный

Она исчезает, во мраке она растворится,
А он не окликнет. Останутся только стихи.
Лишь маски мелькают в метели, теряются лица.
За ним, как метель, незнакомка напрасно летит.

Смеется старик, в эту бездну его увлекая,
Молчит пианист, и хрипит обреченно рояль,
И только цыганка, из вьюги немой возникая,
Танцует, над бездною, сбросив одежды, он шаль

Протянет ей снова, укутает, он обнимая,
О, жрица немая, с тобой откровенен поэт.
Тебе он поверит, актрисы притворно рыдают,
И громко смеются враги, и прощенья нет.

Игрушка судьбы, чародей запоздалой метели,
Куда он несется, и с кем проведет эту ночь.
В пыли маскарада, куда его тройки летели,
И черная роза покорно лежала у ног.

Страшна его власть, а стихи его странно – прекрасны,
И Демон безумный впервые парит в небесах.
Молчит Пианист, все мольбы и усмешки напрасны.
Коснуться щеки, утонуть в этих синих глазах.

И после не жить, а писать и случайно встречаться,
И память хранить о растаявшей где-то вдали,
Отчаянной встрече, им было обещано счастье.
Безумное счастье, но им не дожить до любви.

Лишь маски мелькают в метели, теряются лица.
За ним, как метель, незнакомка напрасно летит.
Она исчезает, во мраке она растворится,
А он не окликнет. Останутся только стихи.

«Цветаевская осень укуталась туманом...»

Цветаевская осень укуталась туманом,
И бабье лето снова нам души бередит,
Привыкли жить в стихии иллюзий и обмана,
Никто спасать не станет, никто не защитит.
Откуда эти снова потери и утраты,
Все спуталось, иного нам больше не понять.
И только белый конь уносит прочь Ахматову,
Она страстям не внемлет, ей надо устоять.
А мы еще останемся с Мариной в лихолетье,
Что за поэт, коль снова ты ищешь лишь покой.
А всем ведь так хотелось и славы и бессмертия.
Рябины кисть склонилась над темною рекой..
В том октябре была такая там рябина,
Как будто знак и повод. Забыв про все уйти.
Пусть кто-то окликает в отчаянье: -Марина...
Не оглянулась больше, споткнулась по пути.
Да мы не представляем, как это было страшно,
Как это было тихо в Елабуге глухой,
Все было так нелепо и завершилось странно,
Когда чужие птицы летали над Москвой,
Смешались боль и радость, и все друзья далече.
Нелепость жизни брэнной, полет чужих стихов.
Ну вот и оглянулась, шепнув: – До новой встречи.

Совсем в ином пространстве, в стечении веков.

130 летие Марины Цветаевой

Мой бог, ее зовут Марина

И. Царев

И словно надежды лавина,
И радость, не знавшая сна,
Врывалась в тот город Марина,
Морская богиня. Весна.
И не было больше предела
Талантам ее в этот миг,
И белая птица летела
Над миром иллюзий и книг.

А черная птица парила
Над городом снов и стихов,
Ее безрассудная сила
Дарила то страсть, то любовь.
И снова менялась округа,
И было в том мире темно,
Когда одичалая выюга
Устало стучала в окно.

Там снова с весною смешалась
Зима, не желая уйти,
И только в стихах растворялась,

И солнце устало светить.
Согреет всю землю едва ли,
Отступит, устанет парить,
И белые птицы печали,
Сумели ее окружить.

И черные птицы разлуки
Познали те вечную боль,
И падали тонкие руки
На клавиши, словно бы в бой,
Она погружалась в этюды,
И чуда как будто ждала,
Но в бунте тонувшее чудо
Оставит осколки тепла

Понять ее было едва ли,
Принять оказалось сложней,
И серые птицы порхали
Над бездной не прожитых дней,
Смотрела рассеянно Анна,
Пытаясь понять, не могла,
И было и больно, и странно
Война и сгущается мгла.

Елабуги пропасть незрима,
И черного дома тоска.
Уходит, уходит Марина,
С поникшей ромашкой в руках.
О чем она после гадала,

Кого так хотела понять,
Далекая птица рыдала,
Сквозь лес прорываясь опять.

В лесу том дремучем русалки
И вороны в пропасти сна,
И время не шатко не валко
Текло, надвигалась война.
И снова она мировая,
И снова страданья и кровь,
И там Домовой завывает,
И вянет ромашка-любовь.

«Какой покой, какая тишина...»

Какой покой, какая тишина,
И берег растворяется в тумане,
В той лодке на реке совсем одна,
Она плывет и жизнь ее обманет.
В величии природы есть предел,
Хотя, скорее, нет того предела,
И живописец передать хотел,
Безбрежность и полет души, и смело,
Он пишет тот дремучий, дивный лес,
Затихшие, в долгом ожиданье бури,
И кажется, что мир иной исчез,
И больше появляется он не будет.
Офелия у Гамлета в плену,
Во сне над Русью призрачной парила,
И лес в реке загадочной тонул,
И окрыляла мощь ее и сила,
Здесь мир иной, все будут живы, но
В печали тех долин бытует вера,
Что победим врага мы все равно,
Что Русь мощна, она сильна без меры.
И в вечность унесет меня река,
И я смогу, смогу не оглянуться,
Пусть даль темна, душа моя легка,
Сумею на прощанье улыбнуться

«Пришла всех раньше и ушла поспешно...»

Пришла всех раньше и ушла поспешно.
Лишь черной кошкой мечется тоска,
Во всем виновна и всегда безгрешна,
Так тяжела и все-таки легка.

Быть не любимой, странно или страшно,
Не знаю я как нелюбимой быть,
Тонуть среди домов многоэтажных,
Машин бояться, Рильке полюбить,

И лишь в тумане чувствовать иное
Столетье, погружаясь в этот свет,
И томик Анны снова я открою.
И отыщу любимый свой сюжет

В преддверии войны живет эпоха,
И Прага погружается во тьму,
Я чувствую, как ей в том мире плохо,
Когда уводят их по одному,

В ее объятьях надо бы остаться,
Там Карлов мост, там сказки миражи,
В Россию вряд ли стоит возвращаться,

Там смерть близка, поэту там не жить.

Но кто меня послушает. -Марина.
Нет Маргарита, в блеске тех костров,
Она уходит -снежная лавина,
Мир так печален, яростен, суров,

И где-то на краю земного шара,
Понять бы где, узнать бы и найти,
Там над обрывом и она стояла,
И повторяла дивные стихи

«Каждый – чья-нибудь утрата...»

Ты ушел, ушел куда-то,
Разве этого хотели?
Каждый чья- ни будь утрата,
Каждый чья-нибудь потеря
Стало ложно то, что свято,
Души в пропасть полетели,
И настигли нас утраты,
И настигли нас потери.
Мы еще живем как будто,
Даже слышим птичьи трели,
Каждый день подобен чуду,
Потому страшны потери,
Все кончается когда-то,
Только бы подольше длилось,
Тяжелее все утраты,
И все реже жизни милость.
Если катятся к закату
Наши жизни, что осталось,
Ты навек моя утрата,
И душа во мгле металась

«В Патетической сонате...»

В Патетической сонате
Жили наши души снова,
Мы встречались на закате,
Дня счастливого такого,
Рихтер – светлая громада.
Музыка летит куда-то,
Возвращать меня не надо.
Каждый чья-нибудь утрата.
До заката миг единый,
А к рассвету буря стихла,
Ты назвал меня Мариной,
В этом было много смысла.
Это лестно, это странно,
Мы не этого хотели,
В этом мире безымянном,
Нынче ты моя потеря.
Растворились боль и радость,
Только музыка осталась,
Ей легко внимает разум,
В ней душа моя металась,
А тревоги и печали,
Позабылись отлетели
Только музыка звучала
Каждый чья-нибудь потеря

«Туманные думы на стыке столетий...»

Туманные думы на стыке столетий,
Печали без меры, тоска без границы,
И кто-то за это позднее ответит,
Стирает история скорбные лица,
А что остается им? Гарь от пожаров,
И те, кто ушли и не смели вернуться,
Они просыпались порой от кошмаров,
Они не сумели под гнетом не гнуться
Была впереди у них та мировая,
Готовая мир первозданный разрушить,
И тени бесплотные в бездну шагали,
И к звездам летели туманные души.
Им все тяжелее остаться собою,
До нас донести тех полетов паренье,
И сладить пытались с мечтой и любовью.
Хотя бы в контексте стиха и забвенья
Но строки терялись, но строки ломались,
И это они декадансом назвали,
И музыки звуки в печали остались,
То падали в бездну, то в небо взлетали.
И кто-то за это позднее ответит,
Стирает история скорбные лица,
Туманные думы на стыке столетий,

Печали без меры, тоска без границы,

Марина в Праге

А Прага была прекрасна,
Но ей она не мила,
Влюбляла в себя напрасно,
Зачем-то с собой звала,
И ходит как тень в тумане,
И пишет стихи во сне,
И время ее обманет,
И будет прозрачен снег
Вернуться. Зачем? Вернуться,
Остаться в плену стихий,
И странные строки рвутся
И все же звучат стихи.
Как хочется ей уехать,
Поэты живут в аду,
И здесь уже не до смеха,
И призраки подведут,
Красавица Прага манит
Прозаиков, знаю я,
И снова тебя обманет
Тот стон, тот свет бытия,
И будут совсем другие
В плену у иллюзий жить.
Ей снится опять Россия,
Погибшая, не забыть

«Уходит Марина в ту полночь, в ненастье...»

Уходит Марина в ту полночь, в ненастье,
И молит напрасно о доме, о счастье.
Ей быть не любимой, казаться чужой,
Парить в том тумане над вечной бедой.
Другая корону наденет шута,
Останется в вечность там не скорбя,
О том, что ты будешь напрасно страдать.
И ждать откровенья, признания ждать.
Настанет черед, но настанет ли он,
Когда этот мир только в Анну влюблен,
Ей все, ничего остальным не дано,
И северный ветер стучится в окно.
И ночь так темна и душа в пустоте,
Припомнит последние строки и те,
Другие, кто снова стоит у окна
Увидит, как там одинока она.
Париж так бездушен, а Прага мертва,
Для дерзкой души все иные слова
Подходят едва ли – в плену забыться,
Останется дева ночная твоя
Ей быть не любимой, казаться чужой,
Парить в том тумане над вечной бедой.
Уходит Марина в ту полночь, в ненастье,

И молит напрасно о доме, о счастье.

Письма к Рильке

Там, где любви так много и участия,
Едва ли этот гений все поймет.
Он, как и все лепечет все о счастье,
А тут разлад, отчаянье полет.
И все-таки читает виновато,
С трудом он переводит эту речь.
И верит, что душа ее крылата,
И ждет ее приезда, новых встреч.

Но ждет напрасно, хмурая погода,
Пейзаж, поникший тает за окном,
Она писала год, еще полгода,
О житие отчаянном своем.
А он бродил по улочкам устало,
Мечтал о ней, и страстно ждал письма.
Но лучше бы она не приезжала,
Куда ему теперь такой роман?

Она была печальна, но крылата,
Она звала в неведомую даль,
Но по пятам за ней плелась расплата,
В душе осталась гневная печаль.
А письма что, порывистые строки,
Туман иллюзий, холод бытия,

И женщина, бывавшая жестокой,
Вдруг стала черной птицей грусть ея.

И он молчал, опять не понимая,
Какой же черт принес ее туда,
Где в бездне роковой еще сияет
Ее не догоревшая звезда.
За что ему такое, и к чему же,
Все пережить и не понять, мой бог.
И ждать напрасно проживая ужас,
Ее стихов, не пройдённых дорог

Хвататься за соломинку напрасно,
И падать в пропасть веря в то, что там,
Она все ждет, печальна и безгласна,
Она живет лишь вопреки стихам.

«Мы скованы пространством бытия...»

Мы скованы пространством бытия,
И кажется, что время тут не властно,
Но где-то в середине, суть тая,
Оно нам попытается напрасно

Явить иные правила игры,
И сковывает тело, мысли, чувства,
И мы в его объятьях до поры
Танцуем, то нелепо, то искусно.

А силы на исходе, мочи нет,
Готовы сдаться, пасть в его объятья.
В последний миг какой-то дивный свет
Нам озаряет путь, и снова братья

Или враги готовы нам помочь,
И в строчках вновь звучит ответ внезапно,
Когда казалось, не прожить нам ночь,
Но жизнь опять врывается с азартом,

Во всей своей невиданной красе,
Покажет нам, что время тут не властно
Поэмы зазвучит на высоте,

И верится – все было не напрасно.

Но вот замрут песочные часы,
Их остановит кто-то там, в тумане,
Ты встрепенешься и поверишь ты,
Что жизнь тебя тут больше не обманет.

И надо уходить, мой друг, пора,
И перед смертью вряд ли надышаться.
Пусть солнце в небесах горит с утра,
И лишь тебе рассвета не дожждаться.

А время потечет теперь для них,
Они нас вспомнят может быть когда-то,
Перелистав страницы наших книг,
И улыбнувшись как-то виновато

Поэзия прорвется

И вот тогда поэзия прорвется,
Сквозь море прозы снова прорастет,
И будет жить, пока душа смеется,
Пока сирень за окнами цветет.

В ее плену нам сладко оставаться,
И знать, что нет пути у нас назад,
Прозаики бескрылые явятся,
И больше ритма слышать не хотят.

Но что до них, когда душа взлетает,
И где-то в пустоте ночной парит,
Поэзия в бездомность увлекает,
Она несет тебя в ночной Париж

Там нынче нас не празднуют и все же,
Мы встретимся у башни в вышине,
И этих строк не будет мне дороже.
Пока душа металась при луне.

Пока Пилата кот наш поджидает,
И хочется продолжить разговор,
Иуда и в Христа легко стреляет,
И чертов снайпер целится в упор,

Но только мы, не ведая о чуде,
Вдыхаем эту призрачную боль,
Живем стихами и спешим на ужин,
Жизнь принимая, как последний бой.

Писать, как жить, жить как писать отрадно,
Ночь растворилась, и грядет рассвет,
И примем мы ее как вечный праздник,
Пока в душе еще живет Поэт

Вы так прекрасны

Вы так прекрасны, пани Анна,
В рассветный час на берегу,
Вы так любимы, так желанны,
Как я быть сроду не могу.

И кто зовет меня: – Марина.
Не отзываюсь, не хочу,
Стихов и чувств опять лавина,
Мне только Муза по плечу,

И в первого певца эпохи
Мы обе были влюблены,
Но ваши звезды, ваши вздохи,
А не мои ему слышны.

Ведь он лишь смотрит виновато,
Как будто бы и нет меня,
За что, скажите мне расплата,
В исходе рокового дня.

Наверное, со мной Эрида,
Как Афродита с вами вновь.
Они в восторге лишь для вида,
Они лишь вам несут любовь.

Но я рыдать о том не стану,
Я просто буду петь во тьме,
О Пани Анна, Пани Анна
Вы вновь спешите не ко мне,

Не смею, не могу, не буду,
У вас я время отнимать.
И ваша жизнь подобна чуду,
А мне в моем аду страдать,

И видеть. Видеть ежечасно,
Как несравненно хороши,
Все ваши песни, ваши страсти,
Порывы дерзкие души

Вам бог меня послал в награду,
Чтоб вы ценили то, что есть.
О пани Анна, нет, не надо,
Не помогает спесь и лесть.

Мне до конца стоять над бездной
Как Ариадне в грозный час,
И знать, что ждать мне бесполезно
Того, кто мог спасти, не спас.

Они спешили к вам в объятья,
И проходили мимо грез,
И все заветы, все проклятья,

Не принимали вы всерьез.

И я за вас тут отстаю,
И в зеркале не отразюсь
Уйдет во тьму одна, другая,
Останется молить за нас...

Мой пробил час, моя дорога
Яснее ясного теперь,
Вы отдохните хоть немного,
И для друзей закройте дверь,

С иными и врагов не надо,
И все-таки наш путь ясней,
Пусть к Богу уведет дорога,
Пока блуждаем меж теней.

Треугольник иллюзий

Борис не знал, куда ему деваться,
Она была так странно холодна,
Когда готов с мечтою распрощаться,
Вдруг вспыхнула так радостно она.

И отступил опальный Гамлет снова,
И расступились призраки и сны,
Она искала в пустоте другого,
Она жила в объятиях весны.

Была метель в стихах ее я знаю,
А он не знал, как это все понять,
Когда пришла из грез его другая,
С ней легче, проще, хочется обнять,

И позабыть о буре тех страданий,
И в краткий миг опять лишиться сна,
Она ревнует, требует свиданья,
И к Рильке пишет в забытьи она.

Как с этим быть, о право, он не знает,
И там, на Невском остается Блок,
Она его напрасно поджидает,
Он различить ее в толпе не мог.

Он даже Анну в буре не заметил,
И потому спокоен и далек,
Метет метель на этом белом свете,
И остается ярость между строк.

Как он посмел, он многое посмеет,
Душа поэта уносилась прочь,
И был Борис подавлен и растерян,
Никто теперь не мог ему помочь.

.Она летела в пропасть, как комета,
Сметая все на роковом пути,
Отторгнута, отчаянна, воспета,
Пытаясь тьме немую осветить

Сага о Хароне

Аид Харона просит поспешить,
Река забвенья слишком многолюдна
– Сюда не стоит новых привозить,
Война, я понимаю, там им трудно,

Но мы давно заполнили Аид,
А небеса у Зевса так пустынные,
И вот на лодке он туда спешит,
И этот выбор делает картинно.

– Ну кто со мной готов туда идти,
Где и пиры, и битвы не кончались.
Я лишь троих смогу им отвести,
И души так теперь заволновались.

Тогда он указал на старика,
Сидевшего бестрепетно в сторонке,
– Сизиф, пошли, легка моя рука.
И вслед ему завыли похоронно,

– А где Елена, хватит ей страдать,
Я дочку Зевса отвезу обратно,
И тени, продолжавшие рыдать,
Ее там проклинали, вероятно.

А кто же третий? Доблестный Ахилл.
Да, от войны не смог он отказаться,
Но славно воевал и мало жил,
Пора бы перед Зевсом показаться.

– Вам оставаться в Лете, – говорит-,
Аид суров, просите Персефону.
И странный выбор оценил Аид,
Хотя Харона он опять не понял.

Прекрасная, и с ней Ахилл, Сизиф,
Что скажет Зевс, что Гера им ответит?
И вот Харон на небеса спешит,
И песню им поет веселый ветер.

Зевс был угрюм, и он не ждал гостей,
Но отказать он брату не посмеет.
– Ну кто с тобой, веди, Харон, скорей,
Смотри, Елена и Ахилл там с нею.

А это кто? Как будто бы Сизиф,
Ну что ж, хороший выбор, принимаю.
Останься с нами, нет, Харон спешит,
Туда, где вечно души изнывают.

Ведь тем страдальцам больше нужен он,
На небесах и без него все ладно
И с грустью улыбается Харон,

– В Аиде дом мой, там мне быть отрадно.

– Чудак ты. так прекрасны небеса,
Послушай Зевса и останься с нами.
Гермес твердил, он только полчаса
В Аиде продержался в шуме, гаме.

– Я не могу, ведь там мой кров и дом,
И к праздной жизни сроду не приучен,
Да, здесь светло, цветы, шмели кругом,
Ты не поверишь, но в Аиде лучше.

Гермес не верил, Гера злилась там,
Как мог он отказаться, ей не ясно,
На ад он променяет небеса?
Да убирайся, тут и так прекрасно.

Харон убрался, что за чудеса,
Пошел туда, где был всегда нужнее.
Нас не всегда прельщают небеса,
И нам земля и ближе и милее.

Лилит Адаму

Как тебе живется с Евой
В этом призрачном раю.
Осень там царит наверно,
Раз я больше не царю.

Как тебе живется, милый,
Холодно небось в плену,
Ведь во всем подлунном мире
Ты любил меня одну.

И кажется, что время тут не властно,
Как тебе живется, дальний,
Как предателям там жить.
Вижу рай твой стал печальным,

Всюду б осени царить.
Но вернуть нельзя былое,
Наше лето позади,
И она на все готова,

Быть ненастью, и дожди.
Мне хотелось быть собою.
Вот и кончился роман,
Что ж поделаться не судьбою

Стала я, любовь – обман.
И в раю твоём уныло,
Но спокойно, милый друг,
Я тебя тогда любила,

А теперь мне не досуг.
Сук обломится однажды,
Вас изгонят, видит Бог,
И она пойдёт отважно

На одну из тех дорог.
Ты же станешь просто мужем,
Станешь дедом и отцом,
Мне такой совсем не нужен.
Лес дремучий – вот мой дом

Видение на озере

На озере, в печали в забыты
Она плывет неведомо куда,
И все стихи теряются вдали,
И исчезают сны и города.

Найти ль приют, остаться у огня,
Ничто нас не спасает от забот,
И только память горестно храня,
Она по полю минному идет

Зачем ты здесь, Марина? Не пойму,
Кто вел сюда, и с кем ты снова шла,
И погружаясь в призрачную тьму,
Была одна или со мной была?

Нам Анну бы скорее отыскать,
И убедиться, что напрасный труд.
Пред пропастью стоит она опять,
И ясен этот обреченный путь.

И отстранясь, страдает Пастернак,
Но там рояль и горестный Шопен,
А здесь Елабуги печальный знак
И ожиданье горьких перемен

И ночь темна и непонятен путь
Туда, где улыбается Харон.
Но ты монетку бросить не забудь,
В Забвение везет устало он

– О сколько вас теперь пришли сюда
Молчит, ни звука, и стихи бормочет.
– А там война, там горечь и беда,
Но верить в это бедная не хочет.

Не верит, не надеется, молчит,
Ей все давно и хорошо понятно,
Как мрачен в темноте своей Аид,
И знает, что придет едва ль обратно

«Даже в твоей нелюбви роковой...»

Даже в твоей нелюбви роковой,
Скрыта и прелесть, и свет, и отрада,
То, что тогда не остались с тобой,
Этому нынче я искренне рада,
Не совершивши ошибки живу,
И улыбаюсь я солнцу устало.
Что это было? Лишь сон наяву,
Помню, как радостно в мире нам стало.
Даже в твоей нелюбви не печаль,
Радость я снова тогда разглядела
Так догорает в тумане свеча,
Так нелюбовь твоя вдруг отгорела.
Сходятся тучи на небе опять,
Рок и судьба нас приветствует снова,
Буду я жить и ночами летать,
Грезя свободой и там из бывшего
Снова вернется отчаянный маг,
И наколдует мне страсть и удачу,
Где-то на тех позабытых пирах
Скрипки о нас в одночасье заплачут
То, что тогда не остались с тобой,
Этому нынче я искренне рада,
Даже в твоей нелюбви роковой,
Скрыта и прелесть, и свет, и отрада,

Все ушли

Все ушли, никого не осталось,
В мире пахнет войной и грозой,
И душа безрассудно металась.
Между небом, водой и землей.
И рождались поэмы в тумане,
И печали не знали границ,
Пусть заманит тебя и обманет.
В старой Праге прекрасный твой принц
Это все навсегда оборвется,
Лишь Елабуга станет судьбой,
Все ушло, ничего не вернется,
В этом мире, сплетенном войной,
Государь император, царица.
И туман, и обман, и тоска,
И в Поэме конца воплотится
То начало и горечь стиха
А в том мире, забытом, увитом
Пеленой, и лютует Борис
И вино в том бокале разбитом
И печаль, отступи, не борись.
Снова в бездну она отступила,
И искала в тумане пути.
Тихо плакала, громко скулила
И хотела по небу пройти.

На фоне Венеции

И где-то там в Венеции, в печали,
Брела душа по площади, по снам,
Ее русалки в тишине встречали,

За ней лисенок плелся по пятам,
Тот, прирученный кем-то и когда-то
Он диктовал забытые стихи.
А рядом шли сомненья и утраты
И страшные, и смертные грехи.

Как это все пройти, и как осилить,
И вырваться из плена неудач,
В кошмарах снится мертвая Россия,
И страшный суд, и яростный палач.

И плач о тех, кто больше не вернется,
Кто за чертой останется вдали,
Венеции прекрасное господство,
Отчаянно молился о любви.

Но где она, о ней давно забыли
Все те, кто жил у призрачной воды,
В порыве страсти все они парили,
И лишь поэта легкие следы

Остались там, и нежность и участие,
И сон, и стон о дальних городах,
В Венеции нет солнца, там ненастье,
И там прощаться надо навсегда

И строчки обрываются поэмы,
И Постум покидает этот мир,
И лишь поэт, как прежде вдохновенный,
Венецией отчаянно храним

Опять о Бродском

А я опять о Бродском, все о нем,
Как будто в мире нет других поэтов,
Конечно есть, но этим теплым днем,
В Венецию к нему опять поеду.

Все только сон, конечно же, мой друг,
Со мной туда отправится хранитель
Когда и жизнь спешит на новый круг,
Маршрут свой непременно измените,

А я бы рада, только не могу,
Мне надо оставаться как когда-то,
Еще побыть на этом берегу,
Чтобы туда отправиться крылатой.

И это все о нем, который год,
Рождаются, уходят вдруг поэты,
А он во снах моих еще живет,
И исчезает только лишь к рассвету,

Что ревность и что вечность, только миг,
Миг до отплытья, там Харон хлопочет,
И я останусь среди звезд и книг,
В Венеции той темной-темной ночью.

Там карнавал, не может быть, опять,
И как в толпе мне отыскать поэта?
И будут маски странные мелькать
И город веселиться до рассвета.

И в этом одиночестве опять
Совсем другой руки моей коснется,
– О нет, меня не надо провожать,
Я верю, он ко мне еще вернется.

А если не вернется, то судьба.
И горечь остаются в дар незримый,
Мы встретились, Архангела труба,
И все дороги доведут до Рима.

И до него, мне не свернуть с пути,
В глуши лесной остаться Берегиней,
И птицу счастья молча отпустить,
И быть счастливой, если он покинет.

.

«Я так была в тот вечер одинока...»

Я так была в тот вечер одинока,
Что только Бродский был тогда со мной,
Казался Люцифером и пророком,
И говорил об участи земной.

Но стол я на троих в тот день накрыла,
Не зная, ждать еще кого к столу,
И вдруг пришел ты, и стихи забыла,
Продолжила отчаянно игру,

И знала, что придется попрощаться,
И окунуться в Бродского стихи,
И все-таки тот лучик света, счастья,
Я не могла, не смела отпустить.

Мир был угрюм, а миг того творенья,
К печальной страсти нас ведет опять.
Пытаюсь написать стихотворение,
Чтобы себя заблудшую понять.

Но ночь темна и пустота ласкает,
А не пугают душу в этот час,
И где-то там, чужие отступают,

Последний день Помпеи тут у нас,

Ты это знал и потому тревога,
Осталась в тихом голосе и сне,
Растаял Бродский, дальняя дорога
Вела по этой трепетной весне.

Вела туда, где лета не настало,
И не настанет больше никогда,
Душа в ту осень позднюю упала,
И растворилась в душах без следа

Маскарад призраков

Маскарад призраков. Выход королевы
23 июня День рождения А. А. Ахматовой

1

В доме, заполненном светом нездешних страстей
Ждет королева своих запоздавших гостей.
Что там осталось от странного замка в тиши?
Темной аллеи мираж, не спасти ей души.
Вот они снова приходят в покинутый дом,
И говорят о потерянно друге своем,
Пьют за здоровье, за Музу, потом за стихи.
Слушают музыку ветра, шаги их легки.

В их невесомости боли и радости нет.
Лишь королева все видит – и знак тот, и свет.
К темной аллее метнулась внезапно душа.
Кто-то вздохнет обреченно: – Она хороша.
– Да хороша. Отчего же не в меру грустна?
– Мужа убитого ждет до рассвета она.
Нам же пора, мы не будем мешать, господа!
Стройная тень, иногда он приходит сюда.

Только Летучий Голландец напрасно спешит,
Ей не уйти от страстей, миражей и обид,

Прошлое жжет и в грядущем им жить не дает.
Кто это там так красиво и звонко поет?
– О, дорогая, не слушайте, там Крысолов,
Он их чарует, забрать их с собою готов.
Нам же туда не пробраться, останемся тут.
В доме, заполненном светом, все гости встают.

И растворяются где-то за миг до зари.
Лишь королева пред ним обреченно стоит.
– Я отпускаю, тебя мне теперь не спасти.
И капитан отвечает ей тихо: – Прости,
На море буря, и я погубить не могу
Душу любимой, я Музу свою сберегу.
Тонкие руки внезапно метнулись к нему,
Но обнимает бессильно кромешную тьму.

И Крысолов оставляет, и замок пустой...
Плачет бессильно, смеется она над собой,
Отняли все, все ушли, королева одна,
И обреченно ей светит в тумане луна...
Свет отраженный не может согреть и спасти.
Вот и осталось шептать обреченно: -Прости.
И для поэмы героя едва ль отыскать.
Но маскарад продолжается, и танцевать

Кто-то чужой приглашает, покорна она,
Мастер уходит, а ты оставаться должна,
Силы оставили, воля предательски лжет,
Но обреченно шагнет королева и ждет,

То ли расправы, а может триумфа, гроза,
Мертвого мужа бездонные видит глаза.
И обнимает напрасно ее тишина.
— Пани сегодня осталась, я вижу одна.

Как на Шопена похож, да откуда тут он?
Трепет «Баллад» этот звон, этот горестный стон,
Выход, мазурка, и как же ему отказать.
Женщины дальней, ревнивой ты видишь глаза.
В этой мазурке смеясь, утопает она,
О, королева, она далека и больна...
В доме, заполненном светом внезапных страстей,
Ждет королева своих запоздавших гостей....

Кружатся тени и призраки рядом в тиши,
И не спасти обреченной на страсти души...
Бал завершится, но Мастера ей не спасти,
— Можно остаться? — Но ты ни о чем не проси,
Все отдадут, только могут они отнимать.
И в тишине проступает опять и опять.
Лунной дорожки незримая тянется нить.
Надо уйти и о главном еще говорить.

Но остается, чтоб горе испить до конца,
Маска не скроет во тьме очертанье лица.
Полночь все длится, и вечен ее маскарад.
Знает царица — никто не вернется назад...

Там Анна пела. Путь в вечности

На кончике пера таилась страсть,
И нежность тихо гладила крылом,
И улыбалась, чтобы не упасть,
Все время говорила о другом.
И музыка каких-то дальних сфер
Врывалась в дом, где не было тепла,
Хотя камин так яростно горел,
И запотело полотно стекла.

Там проступали знаки перемен,
И в жизни той печальной и далекой
Жила другая в пелене измен,
И в пасти страсти дикой и жестокой.
Поэт молчал, ему-то все равно,
Он только улыбался на прощанье,
И ведьма, заглянувшая в окно,
Ему опять назначила свиданье,

И он пошел, ну как же не пойти,
Такая ночь обещана. Плутовка
Взгляд отвела, все спутала пути,
Все сделала изыскано и ловко.
А ты грустна, ты как всегда грустна,
И в этой грусти слабость проступает,

И слишком поздно пробудясь от сна,
Вдруг поняла, что в жизни так бывает.

И никого в оставленном саду,
Повсюду только призрачные лики,
И поздно говорить: – Я не приду,
Когда душа окаменеет в крике.
Без свиты королева не живет,
Ей без любви досадно —одиноко..
Другая Анна там который год
Нам говорит про снежный профиль Блока.

И Демон мертв, его не воскресить,
И стройность тел не различить в тумане.
И стало ясно, как-то надо жить,
Когда та страсть бессмертная обманет..
Когда бушует бунт, сметая всех.
И помнит только дальняя Марина.
Успех, да полно вам, какой успех,
Она во всем виновна и невинна.

А где-то там блокады впереди,
И эта жуть лишь только нарастает,
И к Блоку позабыты все пути,
И даже Бог рабу свою оставил.
Но плечи распрямив, брела вперед,
О Мастере ушедшем вспоминая,
Из века в век брела, из года в год,
Всех палачей безжалостно прощая

И надо же было на свет появиться Гений

24 мая день рождения Иосифа Бродского

И надо же было на свет появиться
В том мае, чтоб маяться долго потом,
Стирались любимые вечные лица,
И жил на чужбине с печальным котом.

В России не знали, и знать не хотели,
И вечные муки оставив другим.
Он в сонной Венеции дивные трели
И странные строки свои выводил.

Смеялась в соседней квартире чужая,
И речь итальянская стала милей,
И надо же было родиться в том мае,
И вечно стоять у закрытых дверей.

Коты и поэмы его провожали
Туда, где все было добыто потом,
И только поэт в проходящей печали
Во сне мог увидеть и кров свой, и дом.

Нет, нет, он назад никогда не вернется,

Он станет изгнанником в мире страстей.
И странно нависло палящее солнце,
И выл в полумраке растерзанный зверь.

Но он человек, ему выть не пристало,
И все-таки вдруг обрывалась строка,
Когда она пела и снова взлетала
Над сонной Венецией, так далека.

О странная боль, и любовь неземная,
Все это забудется скоро, потом
Припомним, что он появился в том мае,
Что маялся где-то в пространстве ином.

Иллюзии, сны, и иные печали,
Остались в наследство немилой стране,
Когда так пронзительно чайки кричали,
И падали души в тумане на снег.

И снились метели, такие метели,
Что скрыться хотелось в их ласках опять
А белые птицы над морем летели,
Ему помогая стихи сочинять

Прогулки по Венеции в дождь

Когда и мне придется переступить черту, а жизнь она такая, от нее умирают все без исключения, там надеюсь отыскать две прекрасные тени, чтобы продолжить разговор, и чем черт не шутит, услышать новые стихотворения одного и размышления другого самого любимого мужчины... И пусть как Вергилий Данте он ведет меня по своей Венеции

В городке, окутанном туманом,
В мороси внезапного дождя,
Я бреду за тенью, за обманом,
Понимая, что спасти нельзя.
Кто-то там за призрачной чертою,
Вдруг окликнет, позовет во мрак,
И когда душа кричит: – Не стоит,
Мало в этой жизни будет драм?

Я ее не слушаю как прежде,
И иду отчаянно на зов,
В городе, на мысе грез, надежде
Мы значенья много придаем
Там поэт свой зонт в кусты забросил,
И танцует, радуясь дождю,
Не пугает призрачная осень,
Я его потом вдруг полюблю.

А пока я слушаю как снова
На исходе рокового дня,
Просит он забыть, и из бывшего
Вытащит, упрямую меня.
Это над Венецией тревожно,
Никого, и ничего вокруг,
Он шагает зло и осторожно,
В окруженье призрачных подруг.

Что-то из Ремарка, только что же,
Мне понять, я знаю, не дано,
И мороз проносится по коже,
И старуха, распахнув окно,
Что-то говорит ему и верит,
Что он на свидание придет.
Странный город помнит все потери
И к себе поэта заберет.

Вырваться б из пелены тумана,
И остаться снова за чертой,
Но поэмы странной и желанной
Не услышу в стороне иной.
Потому я под зонтом спасаюсь,
И хочу догнать его опять,
Среди звезд, туманов и красавиц,
Как мне этот странный мир понять.

И когда не в силах дотянуться,

Не желая отпустить к другим,
Я хочу, чтоб он не оглянулся,
Вывел к свету, сквозь тоску и дым.
Я бреду за тенью, за обманом,
Понимая, что спасти нельзя.
В городке, окутанном туманом,
В мороси внезапного дождя

И в мире Бродского осенняя прохлада

И в мире Бродского осенняя прохлада,
Там тишина срывается на плач,
И листопад в глуши немого сада,
Какой-то задник, непонятный план,
Где женщина с зелеными глазами,
Босая, над безбрежностью парит,
Седая осень в странной этой драме
О чем-то непонятном говорит.

Кто слышит их, и кто ему внимает,
В печали, забыты, за час до сна,
И сон во сне он снова воплощает
В безбрежности судьбы и полотна.
Идет по листьям, и спешит на встречу,
И видит ли всю негу и печаль?
Стихов не слышно, их уносит ветер,
И в старом парке им не повстречаться,

Она не Маргарита, боже, правый,
Там есть художник, и к нему спешит.
И только непонятный и лукавый,
Поэт проходит мимо и молчит.
Что это было? Темные аллеи,

И страсть ее к художнику, вдали
Там листья отлетевшие атели,
Они расстались – пленники любви.

С художником ей проще в миг заката,
Поэт к своей Венеции спешит,
И все твердит: – Она не виновата.
Поэму пишет, о любви молчит...
И в замке грез ее портрет пылится,
Как задник той картины роковой,
Кто ведьму знал, и кто в нее влюбился,
Тот потерял и дар свой, и покой.

Ему же словеса всего дороже,
И он боится потерять сей дар,
И гонит нежно так и осторожно
Любимую, и молча смотрит вдаль.
Не ревность правит миром, только лира,
Вершит его печальную судьбу.
И на гондоле, в самом сердце мира
Офелию он встретит лишь в гробу

.
И ужаснется, Гамлета судьбину
Как данность примет чей-то жест, поклон...
Совсем один плывет куда-то мимо,
И рядом усмехается Харон,
Там, в небесах, сияет Беатриче,
Но он не Дант, ему Вергилий мил.
Идет по аду с вечным безразличьем.

И слушает поэта в звоне лир.

Прогулки с Бродским по иным мирам

*Прощай, прощай – шепчу я на ходу,
среди знакомых улиц вновь иду,
подрагивают стекла надо мной,
растет вдали привычный гул дневной,
И. Бродский*

Прогулки с Бродским по иным мирам,
По городам, которых нет в помине
На карте мира, только по стихам
Они проступят, и несутся мимо
Волхвы и звери, там ведь Рождество,
Там женщины, не будет их прекрасней,
И я в тот миг, не зная ничего,
Попала на какой-то дивный праздник.

И ослепил меня тот самый Див,
Не хочет он, чтобы неслась к поэту,
Но расстоянья, время победив,
Во тьму бреду, да, там так мало света.
И все-таки свидание не с ним,
С иной стихией, и иной эпохой,
Прогулки с Бродским, сигареты дым,
Грузинское вино, и так охота

Проникнуть в мир иллюзии и снов,

Где он плетет незримые узоры,
Своих сомнений и своих стихов,
Неспешный разговор, и мир, который
Не отпускает в бытность, в бытие,
От чаянья чего-то неземного,
И где-то там сомнение мое
Останется, и он вернется снова

В тот тихий дом, где Маргарита ждет,
Листая песнопений те туманы,
Не черный, а какой-то рыжий кот
Оставит нам сомненья и обманы...
Ведь на пути у вечности овраг
И ров, куда пробраться мне едва ли,
И за чертой всех горестей и драм
Тот замок, тень, и мы на карнавале,

И нет Венеций, есть лишь темный лес,
И мы с тобой, дойдя до середины,
Остановились, проводник исчез.
О, где же ты, таинственный Вергилий?
Вергилий спит, и даже видит сны,
О том, как мы в глухом лесу блуждали.
И были беззаботно влюблены,
В его стихи, тревоги и печали...

Сага о вечном изгнаннике

И вот тогда в сиянии огней
Явился он в тот мир, они не ждали.
Каким казался странным иудей
В поэзии своей, в своей печали.
И вот тогда они его нашли
Совсем не годным к жизни этой мирной,
На суд, забыв о чести, привели.
Пред судьями стоял Поэт невинный.

И ничего не мог он объяснить,
Иешуа в печальной этой бездне.
Но как работать, если не парить?
Махнул рукой и понял – бесполезно.
Был прокурор любителем стихов,
В стихии этой гений затаился,
Но сделал вид, что с ними незнаком,
А адвокат бессильный удалился.

2.

Остался он один перед страной,
И только Анна это понимала.
– Скажите, что творят они со мной?
– Творят тебе судьбу, – она сказала.
И он поверил, как же можно вдруг
Взлететь на миг и падать в эти дали.

Она ушла, и, затаив испуг,
Пошел поэт в ту глушь, и там не ждали.

Мир сер и мал, старухи, хилый скот —
Все это было чуждо, незнакомо.
Вот по деревне к дому он идет,
Как в бане мыться? Нет письма из дома.
А за душой лишь мифа полотно,
И стихотворье, здесь совсем иное
Призвание, и вдруг он под луной
Все пишет, где же видано такое?

3.

Венеция приснилась в эту ночь,
К нему приедут и друзья и люди.
И он везет в гондоле деву прочь
И говорить ей о призванье будет.
Но кто там с ним? Нахмуренный старик,
Они пока, конечно, незнакомы.
– Евгений, -он угрюмо говорит.
– Но не Онегин, в бурю мы влекомы.

Еще печальней, чем Иосиф, он
Хотя печальней вроде не бывало.
И слышится в протяжном слове стон,
И только птица в пропасть улетала.
Там будет все, пока же этот мир —
Убогая деревня, краем света
Любуется истерзанный кумир,

Клочок бумаги, или сигарета.

4

Откуда это, нам едва ли знать.
И все-таки рождаются поэмы,
В просторе неба жизни благодать —
Хождения по мукам незабвенны.
Покинуть город, где он был рожден,
Чтоб никогда обратно не вернуться.
Останется и стон, и вечный сон,
И как Орфей, он снова оглянулся.

О, Эвридика милая, о, Русь,
Тебе в стихах истерзанных остаться,
Судить, рядить поэта не берусь,
Нам всем придется снова попрощаться.
И слушают на лекции в тиши
Его стихи веселые студенты.
А мы лишь к телевизору спешим,
Нам воскресят Поэта киноленты.

5.

Как хрупок миг от встречи с ним опять
И до разлуки без конца и края,
И так легко в Венеции взлетать
И падать в бездну, над водой порхая.
Что нам король, и премия, и свет,
Изгнанник снова кажется Мессией,
А был он просто в Вечности поэт,

Его не сохранит уже Россия.

Да и кого нам было сохранить?
По миру их в тревоге разбросало,
И пусть душа в Венеции парит,
Мы знаем, что в финале есть начало,
И вечный суд, о, что они творят.
– Твою судьбу, – во сне ответит Анна.
И только этот обреченный взгляд,
А даль земная так опять туманна.

6.

И при луне в далекой стороне
Он не напишет больше о России.
Но как теперь поэту жить во сне,
Чужой среди своих, мы все чужие.
Но вслушайтесь в звучанье этих строк,
Нам письма из Венеции приходят,
Он не вернулся, не хотел, не мог,
Он где —то там покой теперь находит.

И пышный Петербург не Ленинград
Его сегодня юбилей отметит.
Душа поэта прилетит назад,
Туда, на Невский, темен он и светел.
В Россию возвращаются порой,
А он не мог туристом быть, я знаю,
И где-то там, над вечною иглой,
Печальный ангел снова пролетает.

7.

И в пелене тумана свет стиха,
И в золоте звучат стихи устало,
И на прощанье нам махнет рука,
И «Лунная соната» зазвучала.
Печальный ангел Питера парит,
Он видит этот незнакомый город,
И где-то там, угрюм и деловит,
Он снова слышит тихий странный голос.

Внимает ли? Какая суета,
Мосты его и черные каналы
Не узнаны, и только знак креста,
Она его опять благословляла.
Каким казался странным иудей
В поэзии своей, в своей печали.
И вот тогда в сиянии огней
Явился он в тот мир, его не ждали.

Прогулки с Бродским под дождем 5 сентября

И вновь прогулки с Бродским под дождем,
Шуршит он за спиной, зовет под крышу,
И манит в пропасть дум, и мы идем,
Все в мороке, почти себя не слыша.

А спутник мой в ударе в этот раз.
И новые стихи, и смех сквозь слезы.
И ритм знакомых так чарует фраз
И понимаю, отrekаться поздно.

И снова и спешу я, и пишу
Посланья в Рим, увеченный тревогой.
И мы выходим вместе к Иртышу,
Знакомой и неведомой дорогой.

Ничто не вечно, может только дождь
Не кончится, такая вот досада...
И ты напрасно этой встречи ждешь.
Здесь нет ни Воробьевых гор, ни сада,

Где можно встретить Дьявола в тиши,
Поговорить с котом о нашей доле,
И все-таки в Нескучный сад спешим,

Забыв и о поэте, и о доме.

И только Бродский, сотканный из грез,
И снов забытых и знакомых истин,
Все говорит о будущем всерьез,
О том, что мы от зрителей зависим.

До нитки промокаю, но бреду,
Я не могу расстаться с ним, я знаю,
Что послан мне на радость и беду,
И потому его не оставляю.

Оставшись там, у Любочки в плену,
Поэт мне помахал и растворился,
Поэму напишу потом ему,
О том, как в зеркалах не отразился.

О том, как в Омске призрачном моем,
Мы встретились внезапно с А.,
Он с ним ушел, осталась я с котом,
Таким печальным и таким бездомным.

Его я пригласила к нам пожить,
Сидит он у окошка ждет поэта.
И для меня кота он разбудить
Грозился, да забыл давно про это.

А кот грустит, как только за окном,
Шуршать начнет ночной осенний дождик.

И мы еще поговорим о нем,
О Мастере и о печальной доле.

Кот обещал поэта разбудить,
Вернуть из зазеркалья, мы тоскуем,
И лишь дождя прерывистая нить
Мелькает и его портрет рисует...

Поэт и Бродский

Он в комнату вошел весьма небрежно,
И усмехнулся, от обиды зол.
– Откуда столько Бродского? И снежный
Кот между ними снова был суров.
Сальери снова Моцарта увидел.
И разозлился не на шутку вновь,
Шутить пытался и себя не выдать
– Откуда к нищим пылкая любовь.
Он был собой и что ему упреки,
Да кто ж его за это упрекнет,
И только хрупкий ангел возле окон
Его вниманье снова привлечет,
– Откуда столько Бродского, как мило!!!
И замолчал, и отступил во тьму,
И черной птицей грусть его парила,
И улыбнулся, и бокал швырнул.
И женщина какая-то чужая,
Лишь улыбнулась Моцарту опять,
Сальери ревновал, опять скандалил,
И можно ль пыл воинственный унять?
Не получилось, Анна и Марина,
Вот так же встретясь, разошлись навек,
И только улыбается невинно
И что-то благодушно он изрек.
А в комнате еще тоска металась,

Какая-то внезапная тоска,
И черный человек, не отражаясь
Ушел в тот мрак, растаял там пока.
Он там поймет, что он погорячился,
Захватит снова сладкое вино.
Но пьет один, прощать он разучился,
И сути не поймет он все равно.

Кот и его поэт

Я познакомлю вас с котом,
И если он вас примет, значит
Мы будем с вами и потом,
Простите, не могу иначе.
Он жизнь моя, а вы лишь миг
Ну может быть чуть —чуть поболее,
Как нерадивый ученик,
В его я оставался я воле.

Он плут капризный, знаю я,
И все друзья мои, но что же,
И участь горькая моя,
С котом, с котомкой быть, итожа
Свой путь, стихи слагать в пути
Между Венецией и Римом,
И к вам с котом моим прийти,
Или пройти спокойно мимо.

Как нас встречают города
И провожают, сожалая.
Быть может я смогу тогда.
В себя и в вас легко поверить.
А если нет, в урочный час,
Когда придется нам расстаться,
Пусть кот останется у вас,

Пусть мир заглохнет от сенсаций.

Меня мой кот переживет,
Ему хозяйку подбирая,
Хочу я двигаться вперед,
И пусть там трубы доиграют
Марш похоронный, впрочем, нет,
Врубите в этот час Шопена,
Он любит той Баллады свет
И к вам привыкнет постепенно.

А мне не стоит привыкать,
Так горько будет расставаться,
С котом уходим мы опять,
Чтоб, все припомнив, возвращаться.
Не плачьте, стоит ли страдать.
О безрассуднейшем поэте,
Я лишь хочу кота отдать.
Ведь здесь мне ничего не светит...

2.Кот – поэту

Я знаю, ты меня любил,
Но век поэта так недолог,
А с этой дамой хватит ль сил
Остаться, ты такой недобрый.

Возьми меня с собой опять,
На том ли свете или этом,

Ты будешь мне стихи читать,
Я сжился, уж поверь, с поэтом,

А что она, и пусть добра,
И может быть меня полюбит,
Нр так бесхитростна игра,
Как все безжалостные люди,
А если к ней придет мужик,
Ведь не со всеми мне поладить.
К тебя с годами я привык,
А эти горестные дяди,

У них душа порой – дыра,
И на мороз меня отправит,
Она заметит лишь с утра,
И не меня, его оставит.

И вот тогда, а впрочем, что
Загадывать, я точно знаю.
Я не останусь ни за что,
Сбегу тебя я догоняя,

Возьми меня с собой, поэт,
И сколько жизни нам осталось,
Напишешь для меня сонет,
Венок сонетов, это малость.

А все ж бессмертие. Баюн
Пусть позавидует мне снова,

Вот я над пропастью стою,
Убьет иль воскресит нас слово

3. Поэт —коту

Хитрец, бродяга, старый плут,
Уговорил, пошли прощаться,
Здесь люди темные живут
И никогда не знают счастья,
А нам с тобою по пути,
Всегда коты к поэтам близки,
Но без нее ты не грусти,
О, как Луна сегодня низко.

И ты вдруг лунным стал котом,
И светишься в потоках ветра,
Я напишу тебе потом
Сонет, о, нет, венки сонетов,
Вино прокисло, труден путь
Но нас ничто не остановит.
Про эту женщину забудь.
И пусть с подругою злословит

О том, что слаб поэт и кот
Ему под стать, такой же хилый,
У нас и без нее забот
На целый год теперь б хватило.
Там у забора старый пес,
Тебя почуял – воет волком,

И первый снег на мокрый нос
Ложиться, будет путь наш долгим.

Но мы управимся с тобой,
И не такой проходили,
Любовь? Да ну ее любовь.
Поэт и кот лишь вместе были.
И будут вместе, ночь темна,
И далеко теперь до доме,
Но не грусти же, старина,
На это все давно знакомо.

4. Кот поэту

Ну вот и ладненько, пошли,
Собак пристало ль нам бояться?
Горят огни в ночной дали,
И нам бы надо приземляться,
Найти свой дом, поесть слегка,
Тебе же написать поэму,
А мне поспать в тепле пока,
Всегда надежней крыша, стены,

Чем неба черного провал,
Нас тут опасность поджидает.
А я бы у печи поспал,
Пусть Домовой нас охраняет,
Ведь кот привязан к дому век,
С людьми сживаясь осторожно,

О, мой бродячий человек,
Ну разве это все возможно?

Идем, бредем, простыл и след.
Я пожалел о той немного,
Тебе виднее, ты поэт.
Да что там льстить, поэт от бога.
А потому наш ясен путь,
Идем, куда не знаем сами,
Но надо все-таки вздремнуть,
Одна вам маята с котами.

А без котов еще сложнее,
Совсем один на белом свете
Ты тоже думаешь о ней?
Пусть песню пропоет нам свете,
Пусть остаются впереди
И позади они до срока
Посплю немного, не буди.
Потом опять Луна, дорога

В твоих объятьях

*И если через сотни лет,
Придет отряд раскапывать наш город,
То я хотел бы, чтоб меня нашли —
Оставшимся навек в твоих объятьях
И. Бродский*

В твоих объятьях через сотню лет
Меня найдут, раскапывая город,
И мы с тобой увидим этот свет,
И я услышу снова дивный голос.

Как будто бы заснули на заре,
И вот теперь пришлось нам пробудиться,
Когда фонарь последний догорел.
Я знаю, больше нам не разлучиться,

В твоих объятьях и никто другой
Не будет ревновать, лишь мы с тобою
Получим в дар ту вечную любовь,
Ту страсть и нежность, что зовут судьбой

Тогда нам будет нечего делить,
Никто не уведет тебя, я знаю.
И лишь звезда нас сможет осветить
У бездны ада или двери рая,

Ночь сменит день и снова будет тьма,
Но так же крепко тело обнимая,
Я вдруг пойму, что целый мир-тюрьма
И лишь в твоих объятьях оживая,

Мы в чистом поле рядом, вместе вновь,
Сам Велес к нам опять спешит на встречу,
И остается в душах лишь любовь.
Когда погаснут звезды, словно свечи.

И мы опять увидим этот свет,
И я услышу снова этот голос.
В твоих объятьях через сотню лет
Меня найдут, раскапывая город.

Мне снится Бродский

Мне снится Бродский, берег моря, мгла,
Его стихи в тумане тают, тают,
Я там такой счастливою была,
О, как нам в жизни моря не хватает,
Провинция глухая – это рай,
Он прав, теперь я это понимаю.
Но город ты у моря выбирай,
Чтоб не было конца, предела, края,
И в крике чаек слышались порой,
Забывших грез ночные переливы,
Поэту верь, на берегу постой,
И станешь непременно ты счастливой
, Там Демон спорит с Ангелом опять,
И слушаю я эту перепалку,
Там будет чайка о любви кричать,
И надо уходить, но как-то жалко
Терять мне тот настрой, и тот полет,
Как кружит нас былая бесконечность,
Мы будем ждать, когда он вновь придет,
Мгновенье обменяв на мрак и вечность.
Но что тебе в бессмертии, когда
Лишь миг и свет незримого участия
Оставит нам любовь, стихи, года,
В преддверии разлуки, лучик счастья.
И свет струится в вязи тех стихов,

Совсем иные дали нам приснятся,
И моря плеск, чтоб сбросив груз оков,
В его стихии вечной растворяться.
И растерять последних дней уют,
И стать другой в стихии откровенья.
Но строки нам покоя не дают,
Чаруют сны и чудные мгновенья.

Монолог Бродского

Не буду приезжать, и вы меня не ждите,
Ведь Питер для меня незримая обитель.
Души моей усталой отчаянная пристань,
И все, что написалось, и все, что было в жизни.

Туристом в этот мир я не могу вернуться,
И стоит мне попасть, и сразу оглянуться,
Из Леты воду пить, не ждите, я не стану,
Не буду приезжать, и верить перестану.

Как можно в дом родной вернуться на мгновенье,
И снова в Риме жить, в Венеции забвенье
Искать, не находя, опять туда стремиться,
Я не сумею, я не в силах возвратиться.

Все очень сложно здесь, а там невыносимо,
Эпохи и года опять несутся мимо,
И боги среди людей, потерянные боги.
Вы правы, только в Рим всегда ведут дороги.

Как много лет и зим закончились в разлуке.
Я зол и нелюдим, всегда я жил в разрухе,
Не стоит начинать, мосты разводит время.
Нести мне до конца лишь ностальгии бремя.

Колодцы тех дворов и суету окраин,
Я вечно нездоров. И я разлукой ранен.
Мой старый кот шипит, он привыкает к дому,
Среди тревог, обид, могу ли по-другому?

Души моей усталой отчаянная пристань,
И все, что написалось, и все, что было в жизни.
Не буду приезжать, и вы меня не ждите,
Ведь Питер для меня незримая обитель.

Мне приснился скрипач

Мне приснился скрипач,
Окрыленный какой-то стихией,
Где лишь призраки снов
Уносили его в бесконечность,
И прекрасные девы
Над ними в том мире кружили,
И рождались созвучия,
И там, впереди только вечность.

Он творил ее снова,
О жизни земной забывая,
И никто не посмеет
Не слушать, оставшись в плену,
Мне приснился скрипач,
В эту бездну меня увлекая,
Он несется, как ангел,
Как Демон он в душу взглянул.

Никого за спиной,
Лишь метель угасала незримо,
И осталась в тумане
За тем снегопадом она.
Я проснулась и знала,
Что только тобою любима,

И скользила душа,
И опять воскресала она.

Что творил он, мой бог,
И куда увлекала стихия,
Этой музыки стон,
И улыбки его миражи.
Мне приснился скрипач,
Он сегодня приехал в Россию.
И смирилась метель,
Только голос от счастья дрожит.

Под чарующей лаской твоей

Старинный романс

Под чарующей лаской душа трепетала,
И куда-то она уносилась, шутя.
Как там было морозно, метель завывала,
Но резвилась она, как шальное дитя.

Ей до мира постылого не была дела,
Время замерло, боль растворилась вдали,
Как же в этой метели я снова хотела
Дотянуться до страсти, потом до любви.

И какая-то дама смотрела с опаской,
И закуталась снова от стужи в меха.
Но жила я в тот миг под чарующей лаской
Этих глаз, этих рук и была так легка.

И века пролетели, как белые птицы,
И никто не узнает о тайнах, мой Бог,
Только страсть наплывает, мороз веселится,
И касается губ, и касается щек.

Все что было, что будет, сегодня не важно,
И уляжется белой периной метель,
Не смогла устоять и шагнула отважно

Я в объятия твои, в ту обитель страстей.

Чары слишком сильны, силы слишком ничтожны,
Ночь темна, ни луны, ни мерцающих звезд,
Я по снежной тропинке бреду осторожно
В пелене наслаждения, и счастья, и грез

Три ангела Памяти Олега Чертова

С пожарной каланчи на мир взирая,
Два ангела все спорили о том,
У бездны ада или двери рая
Мой Омск стоит в величии своем.

Один твердил, что так тут все красиво,
Так ново и заснеженно, что рай
Со всей его великолепной силой,
Тут разместился, вот и выбирай.

Другой твердил, что нет метро, Арена
В развалинах, и потому тут ад.
В метели замерзая постепенно
Два Ангела на каланче сидят.

И каждый видит то, чего хотелось,
Лишь свет один, и только тьму – другой.
Вся братия куда-то разлетелась,
И только этим снился тут покой.

А город утонул в метели снова,
И стал еще милей, и побелел,
Я знаю, в мире больше нет такого,
И вдруг к ним третий дерзко прилетел.

Он был убит в том феврале когда-то,
Да, прошлый век, был к ангелом суров,
Мир рухнул, и настигшая расплата
Его вела в сугробах тех снегов.

Тонул он долго, снова возвращался,
Так и не смог оставить город свой,
Он говорит, что здесь узнал он счастье
И ад крошечный в день тот роковой,

Он примирил их и смотрел счастливый
На город у могучей той реки,
И только саксофона переливы,
Смогли помочь не сбиться им с пути.

8 октября День рождения Марины Цветаевой

Было что-то роковое
В этом ворохе иллюзий,
Там, где снова за стеною
Исчезали сны и люди.
И остались только строки
О несбывшемся до срока,
Было что-то роковое
В этом облике далеком.

То себя я узнавала,
То теряла нить сказанья,
И она там возникала
И терялась среди зданий
И отчаянных иллюзий,
Все запутав, всех смешала,
И в печали ли осудит,
И в экстазе воскрешает

Там всегда царила Анна,
Маску сбросит Черубина
И осталась тень романа,
Беспощадная лавина.
Лики, письма и строки,

И трагедий очертанья,
Сны о боге и о Блоке,
Позабытые сказанья.

И обломки прежней жизни,
В памяти ее восстанут,
Как на той печальной тризне
Всех припомнят, всех помянут
Только в сумраке зловещем,
В тьме иных воспоминаний
Имена детей и женщин,
Повторяет на прощанье

Что в Елабуге осталось,
Кто очки снимал пред нею.
Только тень в тиши металась,
Неизбежностью своею
Ей напомнив о расплате,
И она не отступила,
Все, достаточно, и хватит
Жить и слезы лить бессильно

Ночь надвинулась кошмаром,
Звезды падали, осколки
Затухали в поле странном,
И душа завывала волком.
Август, день последний снова
Постарается для Анны,
Обрывается там Слово,

Очень тихо все и странн

В Рождественской метели

В Рождественской метели, печали затая,
К нам ангелы летели в исходе декабря.
Они легки как птицы, они несли нам свет,
И мне бы возвратиться, да только ходу нет.

Я затерялась в поле, дорог не отыскать,
Черт полосатый спорит, и он ворчит опять:
– Ну что там разлетались, без вас нам легче жить,
А ангелы смеялись, не обрывали нить.

Им вьюга песню пела, их вдохновлял полет,
И не было им дела, что там глаголил черт.
Но я их не просила путь отыскать в снегу,
А все забыв, твердила, что я сама смогу,

И пусть один встречает он Рождество опять,
А ангелы порхали, как им меня понять.
Черт тряс сосну устало, тонула я в снегу,
И сердце трепетало: – Все, больше не могу.

Он сжалился и вывел из морока в туман,
– Хранил тебя впервые, все ангелы – обман.
Ты б там замерзла с ними, не пригласишь на чай?
Назвал свое он имя. – Давай с тобой встречаться.

Пожала я печами, ответила: – Давай,
А ангелы порхали, метели белый вальс.
Нас закружил, и стало тепло мне и светло.
С тех пор ищу повсюду я черное крыло...

Чарует словом

«В движенье губ гораздо больше жизни, чем в том, что эти губы произносят» – Иосиф Бродский.

И снова Бродский нас чарует Словом,
В движенье губ оставшимся немым,
Воспринимая смысл его по-новому,
Над пропастью контекстов мы парим,

И многозначность так порой пугает,
И так влечет движенье губ куда-то,
Оно лишь суть иную отражает,
И смыслы все и все его утраты,

Что остается, сила и сомненье,
Венеции печальные штрихи,
И если ты дожил до грез паренья,
То суть стиха легко так упустить.

Но хочется как прежде дотянуться,
До смыслов и до сути, ангел мой,
Быть может нам в Венецию вернуться,
И побродить по мокрой мостовой.

Услышав речь негромкую, очнуться,
Иную суть читая по губам.
Мир глух и нем, и только б оглянуться,
Аид нам не позволил, чтобы там,

Во тьме его мы не смогли остаться,
И вырвались в пучину жизни вновь,
Она бурлит должны в ней появляться
Иные песни, ведь не вечна ночь.

Мой Пушкин

*«Я пережил свои желанья, я разлюбил свои
мечты...»*

А.С.Пушкин

Что остается? Только тихий свет
Звезды давно и быстро отгоревшей.
Средь поражений, радостей, побед
В душе моей отнывшей, отболевшей

Останется таинственная грусть,
Откуда-то пришедшая тревога.
Прости меня, я больше не вернусь,
И к дому не вернет меня дорога.

Но есть еще поэмы, города,
Пирушки, свет луны, такой далекой,
И я приду из дальних стран туда,
Чтобы попрощаться и уйти до срока.

Мой путь давно судьбой определен,
Я разлюбил мечты, стихи, желанья,
И только в небе колокольный звон
Напомнит о прощенье и прощанье.

В начале лета, в солнечном плену,
Растаяли, исчезли сновидения,
Печаль светла, но, друг мой, я тону,
Не вырваться мне больше из забвенья.

Стихия моря только снится там,
Где тихий берег, и костер до неба,
И Лукоморье рядом, птичий гам,
Я был, я жил, вот только счастлив не был

Париж и я одна

Шестнадцать лет, Париж и я одна,
Наполеона четкие штрихи,
И эта жизнь мне для того дана,
Чтоб силу духа снова обрести.
Они прочтут когда-нибудь потом
Все свитки, и послания, и строки
Горящие под небом тем костром,
Таким прекрасным и таким далеким,

Ну а пока Париж, в его плену
Еще останусь, знаю, до рассвета,
И в улочках невзрачных утону,
И узнаю тот мир по всем приметам,
Холодный дождь внезапный дождь опять,
Под крышу гонит, не дает очнуться,
Не сдамся я на милость и гулять
Опять отправлюсь, не смогу вернуться,

Какая-то безумная толпа,
Летит навстречу, сон иль явь не знаю.
Я здесь одна, да я одна пока,
Парижский воздух бережно вдыхаю.
И сон, и стон, и звуки скрипки там,
Где только тени блеклые теснятся.

– Марина, -говорит, – как пусто нам,
– Конечно, Пушкин, только б прогуляться.

Он не был тут, а я уже была,
И буду вновь, тоскую по Парижу,
Я вижу даль – она опять светла,
Дождь кончился, и я его не вижу,
Не ощущаю, странная хандра,
Поток иллюзий, надо возвращаться,
Прощайте, Пушкин, мне домой пора,
Прекрасен город, только я несчастна.

Пристанище найти я не смогла,
Вот потом в Париже одинока,
И здесь нет ни кола и не двора,
Ни гения, ни света, ни пророка.
Нет никого, но эта красота
Неповторима, я не унываю.
Прощай, Париж, чужая я не та,
В век золотой в ладье я уплываю.

Плыву к нему, тебя оставив вновь
И не могу к реальности вернуться.
Мне останется страсть? Нет, нет, любовь,
Орфей мой дерзкий снова оглянулся
Но ты мне не изменишь, как они,
А я тебе спокойно изменяю.
Оставь меня, мой Демон, не гони.
А впрочем, нет я снова уезжаю

Пушкин в течении времен

Чем старше становлюсь,
Тем Пушкин мне милее,
И Болдинская грусть,
И темная аллея,
И взгляд из-под-руки,
Туда, на Лукоморье,
Где кот Баюн не спит,
С русалкой снова споря,
Где царь Салтан спешит
В объятия Буяна,
И окрылённо пишет
Онегину Татьяна...
И Моцарт в звёздный час
Прощает все Сальери,
Чем старше становлюсь,
Печали тем светлее,
Казалось бы года,
Уныния умножат,
Но Пушкин навсегда,
Такой простой и сложный,
От Черномора спас,
Привел ко мне Руслана,
И продолжает сказ
Легко и неустанно.

И проступает Русь
Та древняя, бывшая,
С Олегом вдаль несусь,
С волхвом я открываю
Гадаю о судьбе,
Пишу свои поэмы,
И весело тебе,
Легко и вдохновенно.
А мне приснился сон —
Я старая графиня,
И это Герман он,
Мой дом живым покинет,
Сведу его с ума,
Хорошая примета,
Тогда умру сама
В потоках вечных света.
Прости меня, мой друг,
Гармония – святое,
Отбился ты от рук,
Перечить ей не стоит,
В тумане у реки
Тебя русалка манит
В тот омут, и тоски
Не пережить, мой мальчик
Сраженья и века,
Да, это все святое,
Уходишь ты? Пока,
Корить меня не стоит.
Дантес из грез и снов,

С Италией танцует,
Но мир красив и нов,
Там Пушкин торжествует.

На свете счастья нет

На свете счастья нет

А.С.Пушкин

Забить, не помнить, не хранить,
Твои пронзительные письма,
И как -то быть, и как-то жить,
И завтра, и потом, и присно.

И пусть рождаются стихи,
И пусть живут воспоминанья,
Я по углям смогу пройти.
И лес хранит очарованье,

И где-то у черты иной,
Где рай для муз и их поэтов,
Мы снова встретимся весной,
Счастливою по всем приметам.

Там будет все у нас с тобой,
Как в этой жизни не, бывало,
Там ждет меня моя любовь,
И там в финале есть начало,

И ночь беззвездная темна,

А день грядущий свеж и светел,
Там будет вечная весна
Одна весна на белом свете.

И Блок от нежности хмельной,
Свою читает Незнакомку,
Приди туда ко мне, за мной,
И счастья миг навек запомним.

Запомним этот мир и сад,
Где было грустно расставаться,
И где о страсти говорят
Нам боги, но пора прощаться.

И не осилив суеты,
Мы в царство вечного Буяна,
Несем поэмы и цветы,
Уходим поздно или рано.

Но остаются в мире том,
И дети наши, и сказанья,
В тумане утонувший дом,
И грез земных очарованье.

«Могло ли быть иначе?..»

Могло ли быть иначе?
Наверное могло,
Как нежно скрипка
плачет печалям всем назло.
И в холоде иллюзий
так хочется понять,
Что снова с нами будет
всесилие огня.

Мы не хотим расстаться
с реальностью опять,
За славой не угнаться
и страсти не понять.
И только сон забытый
вдруг вещим станет вновь,
И в бездну тех событий
ведет меня любовь.

Перо мне ангел бросит,
чтоб снова написать,
Как надвигалась осень,
как странно восставать
Искать еще причины,
и жить в немом пылу

Во власти ли мужчины

томиться на пиру,
Ночь кажется кошмаром,
и надо пережить,
И в этом мире старом
еще придется быть.
Искать пути к рассвету,
к закату уходя,
Плестись в конце кометы
в том сумраке дождя

«И там, где все сегодня еле дышит...»

И там, где все сегодня еле дышит,
И корчится от боли роковой,
Она в Париже, и она не слышит,
Того, что здесь, Марина, бог с тобой.
Зачем тебе безумная Европа.
К чему тебе тот мрак ее и свет,
И старых замков раздраженный ропот,
И извращения в наслоенье лет.

Нам дела нет до их безумств и лени.
У нас свой путь, не приживемся там,
И все победы, все твои сомненья
Плывут упрямо к этим берегам.
Их башни косы, короли их немые,
Дочь Ярослава не смогла понять,
То серое отчаянное небо,
И развлечений пошлых короля.

И ты себя испытывать готова,
На прочность в этом смраде площадей,
Проносится весь мир, и только Слово
Над ним царит в иллюзии теней.
Вот потому в печальный час расплаты,

Мы снова возвращаемся домой,
И голос гуслей нас ведет куда-то,
В лес заповедный манит за собой.

И заглушая визги клавесина,
Они в душе отчетливо звучат,
И только здесь воскресшая Марина
Опять поет, забыв про боль утрат.
Она поет о страсти и расплате,
И видит там погасшие костры,
И прах тех ведьм сознание охватит,
Ее не отпуская до поры.

И сколько бы мы там не колесили,
И не влюблялись снова в миражи,
Мы есть и будем только здесь в России
Не выживать, мой друг, писать и жить.
И возвращаясь к будням и ненастью.
И понимая, что исхода нет,
Мы ждем и верим, только лучик счастья
Оставит на твореньях наших след.

«Он уезжал, куда не ведал сам...»

Он уезжал, куда не ведал сам,
И что там будет, знать не мог в то время,
И не внимал забытым голосам,
И в свой успех едва ли твердо верил.
От родины отрезанный навек,
И умудренный опытом былого
Среди чужих, не сдался, не померк,
И помогали музыка и слово.
Мечтал вернуться? Верил ли тогда,
Что все тут переменится, в печали
Он покидал чужие города,
Венеция приснится вдруг ночами.
И там покой и музу обретя,
Он странствует отчаянно по миру,
Поэт былого, вечное дитя,
Он слышит эту призрачную лиру,
И он поет о том, что не сбылось,
И что в стране отторгнутой осталось,
А как писалось там и как жилось,
Жилось, наверно, так же как писалось.
И все светлее в городе теней,
И все тревожней будет пробужденье,
Но звезды промелькнут средь фонарей,
И он услышит ангельское пенье

23 июня

Был этот день так странно многогранен
И так хорош в неведомом году.
Когда мы снова говорим об Анне
Ахматовой в сомненьях и чаду,
И профиль Гумилева возникает,
И нас встречает Питер в этот миг.
Да, там она так долго обитает,

Среди поэтов, маскарадов, книг,
Она живет, пока еще не тужит,
И Блока ждет в метели роковой,
И ей тот город и поэт тот нужен,
Опомнись, Анна, он теперь с другой,
Ему актрисы легкие милее,
Он не оценит твой бессмертный дар.
Молчит, стоит, уйти она не смеет,
И на Сенатской вспыхнувший пожар,

Сжирает век, поэтов убивая,
И ей осталось только хоронить,
Не понимая, то ль еще живая,
Иль мертвая, и как ей дальше быть.
Восторгу и прозренью снова внемлет,
И каменеет в бездне роковой,

Булгакова проводит и объемлет,
Весь этот мир, пожар тот мировой.

О как немного нынче их осталось,
И лет пятнадцать остается жить,
Когда душа над пропастью металась,
То Реквием попросит повторить,
Запомнит все и лишь потом запишет,
В тумане вечном слишком ал закат.
Окликнет кто-то, но она не слышит,
И снова повторится звездопад.

Светить сгоревшим звездам без устатку,
А ей писать о доле роковой,
И будет все и тягостно, и сладко,
И словно бы последний грянет бой.
Но нет. Еще идти по тем равнинам,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.